DUPL. SZR 3093 1931
Русская библиотека им. Т. Г. Масарика «ZEMGORA v PRAZE» MASARYKOVA

НОВАЯ ГАЗЕТА

NOUVELLE GAZETTE
1

ДВУХНЕДѢЛЬНИКЪ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

BIMENSUELLE
ARTISTIQUE & LITTÉRAIRE
PRIX 2.50 FRANCS

1 MARS
1

Литература въ эмиграціи

Разсѣянные по всѣмъ странамъ міра, лишенные родины физической, мы съ тѣмъ большей любовью влечемся къ нашей духовной родинѣ, которой никто у насъ отнять не можетъ. Для того, чтобы пережить и внутренне преодолѣть изгнаніе, должны мы постоянно ощущать неразрывную связь съ Россіей Пушкина и Толстого, Мусоргскаго и Римскаго-Корсакова, Иванова и Врубеля. Черезъ языкъ, черезъ литературу, черезъ искусство утверждаемъ мы наше національное бытіе. Сохранить самихъ себя, не раствориться въ другихъ народахъ, мы можемъ только при помощи этой крѣпкой связи о русской культурой.

Мы всѣ отлично сознаемъ это, но очень мало дѣлаемъ для достиженія этой первостепенной задачи. Сохранить культуру за рубежомъ, это не значитъ умиляться твореніями ее прошлаго и въ какіе то особые дни зажигать праздничную лампаду передъ иконостасомъ великихъ писателей, мыслителей и художниковъ. Культуру нельзя сохранить какъ нѣкую драгоцѣнность, которую прячутъ на дно ящика и изрѣдка вынимаютъ, чтобы полюбоваться ею. Культура — не музейный уникумъ, не окаменѣвшая статуя, а живой, вѣчно развивающійся организмъ. И она требуетъ не любованія, а участія въ творчествѣ, дѣйственнаго продолженія ее дѣла.

А между тѣмъ, во многихъ областяхъ русской культуры, мы не сумѣли создать за рубежомъ тѣхъ условій, при которыхъ можетъ создаться и развиваться живая культурная среда.

Это особенно справедливо въ отношеніи литературы.

У насъ имѣется не мало писателей, и первоклассныхъ и второстепенныхъ, у насъ выпускаются ежемѣсячно десятки книгъ, находящихъ своего читателя и въ Парижѣ, и въ Нью-Іоркѣ, въ Прагѣ и въ Шанхаѣ — и у насъ нѣтъ, тѣмъ не менѣе, литературнаго движенія, той подлинной литературной жизни, которая проявляется въ исканіяхъ, обсужденіяхъ, борьбѣ художественныхъ теченій, поискахъ новыхъ путей, спорахъ объ основныхъ вопросахъ искусства, во всемъ томъ, что является первымъ показателемъ культурнаго развитія.

Большинство писателей разбилось по кружкамъ, между которыми нѣтъ почти никакого общенія. Разобщенность географическая, идейная, всяческая усиливается еще узостью замкнутыхъ художественныхъ приходовъ, каждый изъ которыхъ съ горделивымъ презрѣніемъ взираетъ на сосѣда.

Писатель живетъ сейчасъ вдали отъ своего читателя, и между ними не пробѣгаетъ тѣхъ магнитныхъ таковъ, которые въ нормальныхъ условіяхъ порою «заряжали» художника настроеніями и психологіей цѣлыхъ общественныхъ группъ. Вѣроятно поэтому эмигрантская литература лишь въ самой малой степени отражаетъ то, чѣмъ живутъ и дышатъ сотни тысячъ русскихъ людей за границей. И не оттого ли писатель такъ боится ставить въ своихъ произведеніяхъ всѣ тѣ вопросы современности, которые для читателя представляются жизненно необходимыми? Не потому ли предпочитаетъ онъ уходъ въ исторію, въ прошлое или — все чаще и чаще — въ изображеніе иностранной среды?

А въ результатѣ этой разобщенности читатель уже не ждетъ отъ литературы отвѣта на то, что его мучаетъ, не обращается къ писателю за откликомъ и разрѣшеніемъ своихъ тревогъ и раздумій. Онъ не видитъ себя въ томъ, что предлагаетъ ему литература: въ лучшемъ случаѣ онъ находитъ въ ней свои воспоминанія. Молодежь лишена даже и этого утѣшенія — не потому ли такъ болезненно ощущаетъ она свой разрывъ со старшимъ поколѣніемъ?

Все неблагополучно, все въ смятеніи — и вокругъ насъ и въ насъ. Страшный опытъ послѣдняго десятилѣтія поставилъ всѣ вопросы наново, произвелъ огромные сдвиги не только въ нашемъ существованіи, но и въ нашей психологіи, въ нашемъ подходѣ къ искусству, въ нашемъ пониманіи литературы. И писатель не можетъ обойти этого измѣненія, не можетъ не ощутить тѣхъ повышенныхъ требованій, которыя предъявляетъ къ нему читатель. Болѣе того: читатель правъ, онъ хочетъ, чтобы литература была для него тѣмъ, чѣмъ она была для ряда поколѣній русской интеллигенціи. Значительность, глубина, смѣлая постановка самихъ жгучихъ проблемъ индивидуальнаго и общественнаго бытія — вотъ основная линія, истинная традиція русскаго искусства. Литература никогда не была въ Россіи бездѣлкой, игрой или забавой, она всегда уводила читателя отъ мелочей и суеты къ самому важному, самому главному для человѣка — и мы сейчасъ тоскуемъ по этой литературѣ и жаждемъ продолженія ея традиціи за рубежомъ. Мы привыкли къ тому, чтобы писатели относились къ своему дѣлу, какъ важному и отвѣтственному назначенію. Мы знаемъ, что лучшіе изъ нихъ въ мукахъ и борьбѣ опредѣляли свой путь и были кровно связаны съ окружающей средой, которая наполняла жгучимъ духомъ современности ихъ произведенія.

Чѣмъ долженъ быть писатель эмигрантъ? Чего ждетъ отъ него читатель? Можетъ ли быть создано подлинное литературное движеніе за рубежомъ? Каковы пути современной русской литературы, и въ чемъ заключается истинная традиція нашего искусства? Каково наше отношеніе къ культурѣ и литературѣ Запада?

Этихъ вопросовъ избѣгаетъ касаться наша періодическая печать. Въ наши сужденія о литературѣ, о книгахъ, о писателяхъ мы постоянно вносимъ ухищренія дипломатіи, преувеличенные страхи, боясь обидѣть «авторитеты» или отпугнуть молодежь.

А между тѣмъ, поставить всѣ эти вопросы съ глубокимъ сознаніемъ ихъ важности, стало сейчасъ совершенно необходимо. Вызвать споры, способствовать формулировкѣ отчетливыхъ мнѣній, устроить перекличку единомыслящихъ — это и значитъ участвовать въ томъ движеніи, безъ котораго намъ грозитъ безплодное самолюбованіе или робкое топтаніе на мѣстѣ. Только волненіе мысли, идейная борьба, исканія, и отказъ отъ безотвѣтственности въ творчествѣ и критикѣ могутъ поддержать русское искусство за рубежомъ и въ насъ самихъ укрѣпить волю къ жизни.

И если «Новая Газета» хоть въ самой малой мѣрѣ будетъ этому способствовать, у ее руководителей будетъ твердое убѣжденіе въ томъ, что они работаютъ во имя и на пользу русской культуры.

Маркъ Слонимъ.

Содержаніе

М. АЛДАНОВЪ, И. БУНИНЪ, Б. ЗАЙЦЕВЪ, А. КУПРИНЪ, М. ОСОРГИНЪ, А. РЕМИЗОВЪ, В. ХОДАСЕВИЧЪ, М. ЦВѢТАЕВА, И. ШМЕЛЕВЪ — Первое литературное выступленіе.
М. СЛОНИМЪ — Литература въ эмиграціи.
М. ОСОРГИНЪ — Пожеланія.
С. ПОЛЯКОВЪ-ЛИТОВЦЕВЪ — О мистицизмѣ.
А. ЛАДИНСКІЙ — Стихотвореніе.
Д. РѢЗНИКОВЪ — Что будетъ съ литературой.
М. АДРІАНОВЪ — Леонидъ Леоновъ.
К. МОЧУЛЬСКІЙ — О Франціи.
Л. ЛЕОНОВЪ — Возвращеніе Копылева (разсказъ).
С. МОХЭМЪ — Гонолулу (разсказъ).
М. ЧЕХОВЪ — Замѣтки о театрѣ.
ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБЪЕДИНЕНІЯХЪ. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА РУБЕЖОМЪ И ВЪ РОССІИ. — НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — ТЕАТРЪ. — КИНО.

Литературная анкета

Ваше первое литературное выступленіе

Гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ состоялось Ваше первое литературное выступленіе — съ такимъ вопросомъ редакція «Новой Газеты» обратилась къ ряду писателей, живущихъ въ Парижѣ. Ниже печатаются полученные отвѣты.

М. А. АЛДАНОВЪ.

О моемъ дебютѣ мнѣ разсказать нелегко: мои первые труды были научныя работы по химіи; ни они, ни впечатлѣнія, связанныя съ ихъ появленіемъ въ печати, не могутъ, слѣдовательно, интересовать читателей литературной газеты.

Въ свободное отъ химическихъ работъ время я написалъ въ 1913-14 гг. книгу «Толстой и Ролланъ»: началъ ее въ Парижѣ, кончилъ въ Петербургѣ, гдѣ она и появилась. Я напечаталъ эту книгу на свой счетъ и никому не посылалъ ея. Неожиданно на долю книги выпалъ успѣхъ, созданный, думаю, статьей покойнаго Ю. И. Айхенвальда въ «Рѣчи». Я въ ту пору съ нимъ знакомъ не былъ; вѣроятно, онъ покупалъ и читалъ всѣ вновь выходящія книги такого характера. На его статью я наткнулся, открывъ въ кофейнѣ номеръ газеты, — и плохо вѣрю тѣмъ молодымъ авторамъ, которые заявляютъ, что они «совершенно равнодушны къ критикѣ».

Пріемъ въ редакціи «Новой Газеты» происходитъ по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ отъ 4 до 6 часовъ.

И. А. БУНИНЪ

Какъ и гдѣ началъ печататься, уже не разъ говорилъ въ автобіографическихъ замѣткахъ. Прибавлю одно: и до сихъ поръ жалѣю, что случилось это очень рано, такъ какъ думаю, что почти всякій писатель начинаетъ писать что-нибудь путное только лѣтъ съ тридцати, съ тридцати пяти. Жалѣю и о томъ, что былъ встрѣченъ слишкомъ благосклонно. Конечно, «похвала нужна молодому артисту, какъ канифоль смычку». Но нужно держать его въ строгости, иначе «пускается онъ въ неглижабельность и самоувѣренность излишнюю». Такъ отчасти было и со мной на первыхъ порахъ. Только впослѣдствіи сталъ я чувствовалъ даже нѣкоторую печаль, слыша похвалы, — печаль, означающую и чувство отвѣтственности, на тебя возлагаемой, и боязнь, что не вполнѣ оправдаешь довѣріе, которое тебѣ оказываютъ, и тайное сознаніе общей бѣдности человѣческихъ силъ и способностей.

Во всякомъ случаѣ, хорошо помню, что, когда я въ молодости началъ натыкаться на обильную критику, это очень было мнѣ на пользу, — я въ такихъ случаяхъ тотчасъ же подтягивался, бодро и весело ожесточался...

Б. К. ЗАЙЦЕВЪ

... Леонидъ Андреевъ первый пріютилъ: завѣдуя литературнымъ отдѣломъ газеты «Курьеръ» (въ Москвѣ), сталъ меня печатать, поддерживаемый хроменькимъ редакторомъ Фейгинымъ — при сопротивленіи литературнаго критика Шулятикова и Фриче (оба большевики).

Въ одно изъ воскресеній (1901 г.), утромъ, въ столовой, взялъ я «Курьеръ». Перевернулъ страницу. Налѣво внизу, подваломъ, напечатано нѣчто, названіе «Въ дорогѣ». Подпись: П. Зайцевъ.

Окна столовой выходили въ садикъ, тамъ росли небольшія деревья, лежалъ легкій снѣжокъ, за досчатымъ заборомъ паровикъ тащилъ вагоны — мы жили на заводской землѣ, у самыхъ путей. Ноябрьское утро, сѣро-свинцовое.

Въ груди ахнуло, оборвалось. Ну, маленькая ошибка, надо бы Б., а не П., но фамилія правильно, и «Въ дорогѣ»-то я написалъ, что ужъ говорить. **Мое напечатано.**

Первое чувство. Очень сильное.

А. И. КУПРИНЪ

Если вѣрить словарямъ и моему собственному самочувствію, то мой первый литературный грѣхъ надо отнести ко временамъ Нестора Кукольника. На самомъ дѣлѣ я нѣсколько моложе.

Первое мое сочиненіе, появившееся въ печати было такъ незначительно и плохо, что я его совсѣмъ позабылъ и радъ этому. Помню только, что я былъ въ ту пору юнкеромъ Александровскаго училища, въ Москвѣ и, за своевольное напечатаніе своего произведенія безъ цензуры и разрѣшенія высшаго начальства, былъ посаженъ подъ простой арестъ на трое сутокъ, съ исполненіемъ служебныхъ обязанностей.

Однако, горчайшее и суровѣйшее наказаніе ожидало меня въ свѣтломъ и даже уютномъ карцерѣ. Отъ скуки и развлеченія, я захватилъ съ собою въ карцеръ первую попавшуюся книжку. Оказалось что это «Казаки» Льва Толстого, повѣсть, мнѣ тогда еще неизвѣстная. Читая и перечитывая ее, я холодѣлъ отъ восторга и плакалъ отъ умиленія. И тутъ то, съ мучительнымъ стыдомъ я понялъ, что моя новелла не годится ни къ черту.

М. А. ОСОРГИНЪ.

Мой литературный дебютъ былъ таковъ. Гимназистомъ, въ 1895 году, я послалъ разсказъ въ только что открывшійся «Журналъ для всѣхъ», и разсказъ былъ напечатанъ. А разсказывалъ я въ немъ, какъ одинъ священникъ ждалъ на пристани свою дочь, гимназистку, которая должна была пріѣхать на каникулы къ нему въ деревню. Пароходъ пришелъ, дочка пріѣхала, но, проходя по сходнямъ, упала въ воду и утонула, а отецъ сошелъ тутъ съ ума и сталъ бѣгать по полямъ. Сильная штука! Потомъ я написалъ еще разсказъ, какъ мать зарубила топоромъ своего ребенка, да еще другой, побольше, — какъ два господина разговаривали мирно, а потомъ одинъ хватилъ другого пресбюваромъ по виску — и на смерть! Все — кровавые разсказы. А былъ я мальчикъ тоненькій, худенькій и чувствительный.

А. М. РЕМИЗОВЪ.

Охотнѣе всего и съ подробностями любятъ старые писатели вспоминать о началѣ своей литературной работы. Спросите у Льва Исааковича Шестова, вотъ кто поразсказать мастеръ — десять вечеровъ будете слушать, а всего не переслушаете: и какъ ему «опытные писатели» слогъ выправляли съ «плевательницей, то бишь чернильницей», и какъ Туловъ къ Толстому за статьей ѣздилъ, и о Бердяевѣ, и о Челпановѣ. Умѣетъ и Николай Александровичъ Бердяевъ вспомянуть такія обстоятельства, какія въ исторію литературы не попадаютъ и вовсе не за неумѣстностью, а по небрежности и невниманію сочинителей. И все это понятно, вѣдь съ первымъ напечатаннымъ произведеніемъ связаны самыя яркія надежды, и лишь разъ чувствуешь въ себѣ твердую увѣренность: еще вчера ничего, а съ сегодняшняго числа попалъ въ ряды неизгладимыхъ никакимъ временемъ именъ: отъ Ѳалеса до Толстого. Когда появилось мое первое напечатанное произведеніе: **«Плачъ дѣвушки передъ замужествомъ»** (8. IX 1902 г. въ газетѣ «Курьеръ», Москва; входитъ въ книгу «Посолонь», изд. Таиръ, Парижъ, 1930) и притомъ совершенно неожиданно для меня — мои начинанія не одобрилъ ни одинъ «опытный писатель» — я, вознесенный до Ѳалеса, прежде всего задалъ себѣ вопросъ: какъ же я себя теперь именовать долженъ? И лѣтомъ, на слѣдующій годъ, очутившись въ Херсонѣ, на опросномъ листкѣ Городской Библіотеки, въ первый разъ написалъ въ рубрикѣ занятій «писатель».

Когда писалъ, ничего, не пропустилъ въ «писателѣ» ни одной буквы, но когда подалъ листокъ съ писателемъ» библіотекаршѣ, и она, взглянувъ на него, какъ-то такъ посмотрѣла на меня — такъ смотрятъ подозрительные на почтѣ, когда подаешь заказную бандероль съ надписью « manuscrit pour l'impression », которая расцѣнивается, какъ «imprimé» — и я посмотрѣлъ на нее... А черезъ три дня попросилъ знакомаго снести въ библіотеку взятую книгу, и больше не бралъ книгъ, такъ и залогъ пропалъ. Или нельзя такъ сразу въ Ѳалесы вскочить, а надо время.

Прошло три года, напечатанъ былъ мой романъ «Прудъ», а [illegible] «Курьеръ» меня больше не [illegible]ли. Случилось, искалъ я квартиру и обратился къ какому-то «полковнику»: сдавалъ квартиры въ собственномъ домѣ. Говорили объ условіяхъ, и чего можно, и чего нельзя и, какъ всегда, говорили не о дѣйствительныхъ требованіяхъ, а о возможныхъ; я нѣсколько разъ спрашивалъ: «можно ли пѣть послѣ двѣнадцати?» — и не потому, что бы я пѣлъ, а имѣя въ виду наѣзды въ Петербургъ Льва Исааковича Шестова. И когда обо всемъ договорились, полковникъ обратился ко мнѣ съ самымъ животрепещущимъ для меня вопросомъ: «чѣмъ вы занимаетесь»? И я не нашелъ въ себѣ той увѣренности, какая была у меня въ Херсонской библіотекѣ, и не безъ застѣнчивости, но и лукаво отвѣтилъ: «Я такъ». И отвѣтъ мой рѣшилъ все дѣло: отъ квартиры пришлось отказаться — одна изъ комнатъ въ подвальномъ этажѣ оказалась залита водой — но сколько ни просилъ я вернуть задатокъ, 20 рублей, «полковникъ» не вернулъ. Но когда же — въ какіе сроки я найду въ себѣ право называться безъ всякаго такого, двусмысленнаго «такъ» — «писатель»? Я объ этомъ долго потомъ думалъ. И какъ-то совсѣмъ незамѣтно — автоматически прикрѣпилось названіе. И въ войну я ужъ смѣло сказалъ хозяйкѣ, передававшей квартиру, что я писатель; и получилъ отвѣтъ: «у меня мужъ былъ писатель, ни за какія деньги!» Но я не оправдывался и не опровергалъ. И теперь, послѣ стольких лѣтъ литературной работы, мнѣ не разъ приходилось здѣсь, въ Европѣ, доказывать свое званіе: не вѣрятъ — и въ кардидантитѣ я не числюсь «писатель», а RÉDACTEUR. И скажу такъ: не всякому дается легко прыгнуть въ Ѳалесы, но еще труднѣе удержаться.

В. Ф. ХОДАСЕВИЧЪ

Я былъ знакомъ съ С. А. Соколовымъ (Кречетовымъ), который редактировалъ альманахи «Грифа». Однажды, въ самомъ началѣ 1905 г., я прочиталъ ему (безъ всякой мечты о печатаніи) три стихотворенія. Къ удивленію моему (и къ великой, конечно, гордости) онъ самъ предложилъ ихъ напечатать. Въ ближайшей книгѣ альманаха они появились. Я навсегда остался благодаренъ С. А. Соколову, но думаю, что въ ту минуту онъ слишкомъ былъ снисходителенъ: стихи до того плохи, что и по сію пору мнѣ непріятно о нихъ вспомнить, хотя я писалъ ихъ восемнадцати лѣтъ.

М. ЦВѢТАЕВА

Первую свою книгу стиховъ «Вечерній Альбомъ» я выпустила въ 1911 г., въ Москвѣ, въ VII кл. гимназіи. Издала сама.

И. ШМЕЛЕВЪ

Объ этомъ я разсказалъ подробно въ очеркѣ «Какъ я сталъ писателемъ», напечатанномъ года два тому въ рижской газетѣ «Сегодня» и включенномъ въ новую мою книгу — «Родное», которая должна выйти въ недалекомъ времени.

Здѣсь же отвѣчу кратко.

Ранней весной 1894 г., готовясь къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости, я почувствовалъ непреодолимое желаніе написать о старой мельницѣ, гдѣ лѣтомъ я ловилъ рыбу на омутѣ, гдѣ слышалъ разсказы стараго мельника. Помню, отбросивъ книжки, я съ жаромъ началъ писать и чуть ли не въ одинъ вечеръ написалъ очень большой разсказъ — «У мельницы». Куда нести, и «какъ это дѣлается», — не зналъ. Помнилъ, что есть на Тверской ул. вывѣсочка на углу: Журналъ «Русское Обозрѣніе». Это былъ толстый журналъ, основанный, знаменитымъ писателемъ, художникомъ-мыслителемъ, Константиномъ Леонтьевымъ, — какъ я потомъ узналъ, — и выходившій теперь подъ редакціей горячаго почитателя и его ученика — прив. доцента Московскаго Ун-та — Анатолія Александрова. Если бы зналъ это я тогда, не посмѣлъ бы — гимназистъ! — пойти туда. Добрый швейцаръ позволилъ мнѣ вручить рукопись самому редактору, прасивому господину съ пышными сѣдѣющими волосами. Редакторъ принялъ милостиво и сказалъ зайти мѣсяца черезъ два. Я зашелъ. Опять — «черезъ два мѣсяца». И я забылъ о разсказѣ. Уже студентомъ, въ мартѣ 1895 г., я получилъ редакціонное письмо: зайти. Ан. Александровъ встрѣтилъ меня радушно, усадилъ въ кресло, сказалъ, что разсказъ хорошъ, что у меня «живая русская рѣчь», и разсказъ напечатаетъ. Я вышелъ — какъ въ туманѣ. Перейдя на второй курсъ, я женился и совсѣмъ забылъ о разсказѣ. Въ срединѣ іюля 95 г. я получилъ толстую книгу въ голубоватой обложкѣ. «У мельницы», помню, было напечатано убористымъ шрифтомъ, какъ и все, страницъ двадцать, — и ни одного-то пропуска, ни одной поправки! Дня два я былъ счастливъ, потомъ забылъ. Знакомыхъ изъ литературной среды у меня не было — чтобы узнать ихъ мнѣніе. Прочли свои — только. Недѣли черезъ двѣ я получилъ письмо редакціи — зайти за гонораромъ. А о немъ я и не мечталъ. Очень любезная встрѣча, рукопожатіе, кресло, подъ большой пальмой. «Вашъ разсказъ многимъ нравится!» Я молчу. — «Продолжайте, будемъ вамъ рады. Вотъ вашъ гонораръ». И вручаетъ мнѣ... во-семь-десятъ рублей! А я за десятку совсѣмъ еще недавно ходилъ пѣшкомъ черезъ всю Москву — давалъ урокъ гимназисту шестого класса. Редакторъ сказалъ, что я, очевидно, люблю Тургенева, замѣтно вліяніе «Записокъ Охотника», но есть и **свое...** надо работать! — «Любите нашъ журналъ?» — Я что то прошепталъ: я не зналъ, что это за журналъ. И тутъ то узналъ о К. Леонтьевѣ, — восторженное повѣствованіе! И пальма, и столъ:, и самый журналъ — все это были — **его!** «**Теперь вы обязаны узнать его!** это... необычайный русскій человѣкъ, великій художникъ и пророкъ!» — сказалъ со слезами въ глазахъ редакторъ. — «Я приготовлю для васъ его книги... зайдите».

Я принесъ осенью рукопись «На скалахъ Валаама». Она понравилась, но А. Александровъ потребовалъ выбросить рядъ мѣстъ, не отвѣчавшихъ духу журнала. Я не согласился. Онъ уговаривалъ меня, обѣщалъ кромѣ платы отпечатать до трехсотъ оттисковъ, покрыть обложкой, — «и вы можете выпустить книжкой и выручить рублей двѣсти!». Нѣтъ, я не согласился. «О, ка-кой вы!..» — сказалъ онъ, качая головой. Мнѣ было стыдно, но... я не могъ согласиться.

Книжка моя вышла и была схвачена цензурой, по требованію Побѣдоносцева: изъ нея выдрали до сорока страницъ. Вклеили съ измѣненіями. Книжка съ годами прошла вся на Сухаревкѣ: 2400 экз. Я не захотѣлъ впослѣдствіи переиздать ее, хотя и предлагали.

Съ этого моего отказа подчиниться волѣ редактора наступила десятилѣтняя полоса, когда я не писалъ ни строчки, до революціи 1905 года. Съ этой поры началась моя непрерывная работа, — не безъ перебоевъ, правда.

◆ ◆ ◆

Среди кузинъ и тетокъ,
Таскаясь по баламъ,
Подъ хрипъ манежныхъ глотокъ,
Подъ рифмы эпиграммъ,

Въ морозномъ и туманномъ
И скучномъ мірѣ онъ
Прослылъ чужимъ и страннымъ,
Скучалъ и видѣлъ сонъ —

Взлетали кони Феба...
Сіяли надъ землей
Прекрасные, какъ небо,
Глаза Лопухиной...

И голубымъ видѣньемъ
Уже вставалъ Кавказъ
Надъ бѣднымъ вдохновеньемъ
Пирушекъ и проказъ.

Съ черкесскою мечтою
Вступали музы въ споръ,
Съ кувшиномъ за водою
Сходила дѣва горъ,

Но отъ тщеты житейской
Печальный Азраилъ
Его сюртукъ армейскій
Крылами осѣнилъ.

Ант. Ладинскій.

Парижъ. 1931.

EX LIBRIS

«Зеленая лампа»

«Кочевье»

Мих. Осоргинъ.

Пожеланія

Что вамъ пожелать, зачинатели «Новой Газеты»? Успѣха, конечно, по чѣмъ созданнаго?

Одни возлагаютъ надежды на старичковъ (па «имена»), другіе на литературную молодежь. Удивительно много значенія мы придаемъ паспортнымъ датамъ! Развѣ это — враждующія партіи, старики и молодые? Одни заѣли вѣкъ другихъ? Мѣста для всѣхъ мало? Это — вздоръ! Настоящему дарованію двери откроются всюду, — только мало «настоящихъ дарованій». Кто затертъ и кто непризнанъ? Главное — кѣмъ непризнанъ? Критикой?

Полноте! Какая у насъ критика! Развѣ возможна «критика» въ малой семьѣ? Петя хвалитъ Сашу, Ваня хвалитъ Машу, а Володя разсердился на Жоржа и забранился. И всѣ понимаютъ: значитъ чего нибудь не подѣлили. О нѣкоторыхъ (о «старикахъ») вообще не полагается писать неодобрительно; нельзя, напримѣръ, представить себѣ, чтобы въ «Современныхъ Запискахъ» или въ «Послѣднихъ Новостяхъ» неодобрительно выразились о Бунинѣ, и не потому, что онъ вообще хорошій писатель, или что онъ сотрудникъ, а просто — непатріотично. О Купринѣ можно, — онъ изъ за этого скандалить не станетъ, — но какъ то нѣтъ повода. Зайцевъ — слишкомъ ужъ хорошій человѣкъ, нельзя его обижать. Алдановъ — любимецъ публики и очень чувствителенъ; да и попадешься съ нимъ — документами опровергнетъ. Сомнѣваться въ нихъ, «критиковать» ихъ произведенія какъ то неудобно; а потому и изъ похвалъ имъ ничего не получается: только сахаръ, и даже не виноградный, а тростниковый, безо всякаго аромата. Если же хочется побраниться, отвести душу — чѣмъ не тема Максимъ Горькій? И лояльно, и при общемъ сочувствіи!

Свободна отъ этой обывательской цензуры только критика совѣтскихъ авторовъ. Это — самые счастливые люди, они могутъ прочитать о себѣ правду и искреннее мнѣніе; ну, конечно, не безъ ревности, потому что вѣдь еще не снять с очереди удивительно остроумный и глубокій вопросъ: кто лучше, мы или они? Ихъ, впрочемъ, принято главнымъ образомъ жалѣть: «бѣдные, и хотѣли бы, а не могутъ».

По совѣсти говоря — какая же это «критика»? И неужели она можетъ кого то запугать, пресѣчь дорогу таланту, поморозить молодые побѣги?

Я пожелалъ бы «Новой Газетѣ» стариковъ щадить, молодежь поощрять, но не проводить особо-глубокой борозды между новиной и старымъ полемъ. Это ничего не значитъ, что молодежь «пишетъ подъ Пруста», — да и какой это Прустъ.

И не смѣйтесь надъ Шмелевымъ, что онъ предпочитаетъ Прусту — Альбова; можетъ быть онъ и не силенъ въ Прустѣ, но ужъ вы то конечно не имѣете представленія объ Альбовѣ (я тоже). Затѣмъ — не пытайтесь создать въ эмиграціи «настоящую критику». Это не удалось покойному Ю. Айхенвальду, какъ не удается и безпокойному Антону Крайнему, который въ «Числахъ» что то спрашиваетъ и обижается, что ему не отвѣчаютъ. Ему, собственно, отвѣчаютъ, но по семейному, а ему хочется въ міровомъ масштабѣ, хотя рѣчь идетъ, въ сущности, о воспитаніи дѣтей и дамскихъ шпилькахъ. И онъ не виноватъ: критики въ нашей средѣ не создашь, наше дѣло семейное, живемъ тѣсно и спимъ вповалку. Можно мечтать — и нужно мечтать — только о добросовѣстныхъ и не слишкомъ пристрастныхъ отзывахъ на новыя книжки. Это еще не критика, но очень важный отдѣлъ литературной газеты. Такого отдѣла сейчасъ нѣтъ ни въ одномъ изданіи, — вездѣ замѣтки случайны: либо авторъ попросилъ, либо издатель намекнулъ, либо самому пишущему почему то захотѣлось. И безсистемно, и безотвѣтственно; не для читателей, а больше для себя. А хорошо, когда такой отдѣлъ поставленъ серьезно и исчерпывающе.

Вотъ это, пожалуй, главное.

Что же касается литературныхъ статей, — то какъ бы это такъ избавиться отъ темъ загробныхъ, отъ жвачки о символизмѣ, отъ анализа поджелудочной железы тетокъ Пушкина и православія Достоевскаго и Гоголя, отъ всего, чѣмъ морочили голову малолѣтнимъ геніямъ въ Петербургѣ въ періодъ между двумя революціями, и что они, подросши и даже очень, пробуютъ перемалывать здѣсь. Немножко, конечно, можно, но душить этимъ не слѣдуетъ.

У насъ есть свои темы: о томъ, напримѣръ, что Алдановъ, о какой порѣ ни пишетъ, — ни одной исторической ошибки не сдѣлаетъ, а вотъ Бунинъ въ одной цитатѣ изъ «Слова о полку Игоревѣ» сдѣлалъ сорокъ двѣ ошибки, — такъ возвышаетъ ли это перваго и принижаетъ ли второго, или вообще — суть не въ этомъ? Или — какъ намъ быть съ подпрустовцами и джойсистами, — испугаться ли ихъ или поощрить на дальнѣйшее? Соперникъ ли кудрявый журналъ «Числа» сѣдовласымъ «Современнымъ Запискамъ», или рядышкомъ уживутся? Быть ли эмигранскому роману, или такъ ему и не быть? Не пора ли перечислить Сирина изъ разряда начинающихъ въ разрядъ завершающихъ, съ зачетомъ ему всего періода предварительнаго сомнѣнія? Темъ много. И есть еще одна вѣчная большая тема — распятіе и положеніе во гробъ хорошаго русскаго языка.

Для двухнедѣльника хватитъ. Не снимая шапочки передъ авторитетами, но и не заламывая ея на затылокъ. Бояться некого — пужать тоже некого. Просто — не стоитъ.

Со всѣмъ тѣмъ — примите лучшія пожеланія.

EX LIBRIS

«Союзъ молодыхъ поэтовъ»

ЩУПЪ И ЦАПЛЯ

— дѣла литературно-семейныя —

(Подъ редакціей баснописца Василія Куковникова).

Василій Петровичъ Куковниковъ роду московскаго получилъ высокое званіе баснописца, живя въ Берлинѣ въ періодъ инфляціи — **Fabeldichter aus Tiergarten**, хотя съ Лафонтеномъ и Крыловымъ у него ничего общаго. Къ литературѣ вообще никакого отношенія, а сочинялъ испоконъ вѣковъ, и была у него страсть къ письму: переписывалъ древніе памятники и выборныя мѣста изъ классиковъ; имѣлъ же такой обычай: переписанное самодѣльно переплететъ, занумеруетъ, поставитъ на полку и успокоится. Характера миролюбиваго, разговоръ съ нимъ легкій, сговорчивый. «Только очень прошу, обязательно упомяните, что я бывшій младшій регистраторъ Государственной Думы, а то, можетъ, есть еще въ Парижѣ Василій Петровичъ, въ Петербургѣ былъ одинъ... и много было непріятностей по службѣ». Пропитаніе Василій Петровичъ добывалъ себѣ вязаніемъ джемперовъ и жилъ тихо и радостно. Самый подходящій редакторъ — и кто еще можетъ такъ легко и совсѣмъ безобидно выщупать и зацѣпить то, что совсѣмъ не къ мѣсту или не при чемъ или наоборотъ или по «недоразумѣнію, а по-просту съ великаго ума.

Ракъ и раковая наслѣдственность

Всякій человѣкъ, даже въ самыя возвышенныя минуты при полученіи денегъ или при извѣстіи о неожиданномъ вспомоществованіи, равно и въ самыхъ простыхъ разговорахъ — по-русски и по-французски — говоритъ прозой. Слова складываются сами собой и, если выходитъ не всегда вразумительно, — все зависитъ, съ какимъ дуракомъ вы ведете разговоръ, — договориться обо всемъ можно: въ разговорѣ большую роль играетъ интонація и мимика — отъ игры глазъ до игры воображаемаго, постоянно виляющаго хвоста. Другое дѣло въ письмѣ, гдѣ не можетъ быть живого безпорядка — звучащія и движущіяся слова разговорной рѣчи должны быть строго организованы: каждое слово знаетъ свое мѣсто. Смѣшливый разговоръ учителя стихосложенія съ Журдэномъ о перестановкѣ словъ въ — «belle marquise vos beaux yeux me font mourir d'amour» — имѣетъ глубокій смыслъ: мѣсто слова даетъ ему свое значеніе.

Въ одной парижской газетѣ — замѣтка:

«Професоръ Н. А. Добровольская-Завадская вернулась въ концѣ декабря пр. года изъ поѣздки по Сѣверной Америкѣ, гдѣ она прочла рядъ лекцій о **ракѣ и раковой наслѣдственности въ университетахъ и ученыхъ собраніяхъ**».

Изъ этого сообщенія ясно, что Надежда Алексѣевна читала лекціи о какомъ то особомъ видѣ «рака», называемомъ «университетскій ракъ» и о раковой наслѣдственности, наблюдаемой въ ученыхъ собраніяхъ. А въ дѣйствительности ничего подобнаго: Надежда Алексѣевна прочла рядъ лекцій въ университетахъ и ученыхъ собраніяхъ о ракѣ и раковой наслѣдственности. Вѣдь совсѣмъ пустяковая перестановка, а весь смыслъ другой!

Бы-быть и же

Сказанное слово звучитъ для всѣхъ, написанное слово звучитъ не для всякаго: читая, воспринимаютъ только начертаніе, которое представляется и окрашивается чувствомъ, вызывая другія представленія другія чувства и другія слова. Не одни иностранцы, а и писатели часто лишены этого «главнаго слуха».

Единственный выходъ: написанное читать себѣ вслухъ.

«Кѣмъ вы хотѣли бы быть?

Анкета «Рубежа», Харбинъ.

Ясно, что писалъ глухой. А вѣдь какъ просто: «кѣмъ бы вы хотѣли быть?» А кромѣ того, удареніе на «кѣмъ», — къ нему, значитъ, и «бы».

Одна старая петербургская писательница и теперь упражняющаяся въ словесности, имѣла необычайное пристрастіе къ частицѣ «же», она не то что ставила ее, а сѣяла, гдѣ надо и не надо, должно быть для гладкости стиля, и еще была у нея необычная страсть писателей читать публично свои произведенія. И такая получалась музыка; кончитъ, точно концертъ прослушалъ. А вспомнилъ я ее при чтеніи тоже «опытнаго» писателя, помѣстившаго свой разсказъ въ хрестоматіи, изданной въ Парижѣ:

«Но за то какія же есть жрецы! Отъ нихъ же первый — Иванъ Осиповичъ Степановъ».

«Рыбная ловля».

«Опытные» и неопытные писатели! во имя русскаго слова остерегайтесь музыки! Не ассонируйте, не рифмуйте въ прозѣ, не пишите: «крутились-доносились» или «скрывать спать» или «въ работѣ — на народѣ», читайте написанное вслухъ! даже при острѣйшемъ «глазо-слухѣ», не уступающемъ ажану на пасажъ-клюта, есть опасность замузыцировать; «музыка», какъ и пестрота «живописи» эпитетовъ, дѣлаетъ прозу «разложившимся элементомъ», подкрашеннымъ и надушеннымъ треско-пустословіемъ; проза, и самая сложнѣйшая, скромна, какъ сталь.

С. Поляковъ-Литовцевъ.

О мистицизмѣ

Я очень много далъ бы за удовольствіе какъ нибудь встрѣтиться лицомъ къ лицу съ живымъ во плоти русскимъ мистикомъ. Не такимъ, у котораго мистически растрепанная борода, а взоръ таинственныхъ глазъ, пророчески полузакрытыхъ, устремленъ изъ подъ напряженныхъ вѣкъ въ космическія дали. Нѣтъ, не такого. А вотъ самаго обыкновеннаго, здороваго русака, правильно подстриженнаго, со спокойными глазами — пусть съ малой, странной сумасшедшинкой въ густомъ зрачкѣ. ...Такого, который не зналъ бы, что **онъ** мистикъ, а увѣренно въ мистицизмѣ обличалъ **насъ,** то есть то великое множество обыкновенныхъ людей, что удовлетворительно выдержали экзаменъ по арифметикѣ и простодушно полагаютъ, что дважды два четыре. Такого, для котораго міръ его мистическихъ видѣній являлся бы единственной реальностью, насущной какъ хлѣбъ, который въ этомъ мірѣ жилъ бы полно и естественно какъ въ водѣ живетъ рыба, а въ нашемъ мірѣ спотыкался бы и падалъ потому, что его **иначе видитъ,** и для него бездна тамъ, гдѣ для насъ желѣзнодорожная будка... Ахъ, какъ это было бы интересно. А то мистики, которыхъ мнѣ въ жизни приходилось встрѣчать, отлично про себя понимаютъ, что они мистики и въ высшей степени логично это обосновываютъ. Такъ толково въ своемъ собственномъ мистицизмѣ разбираются, что даже прилагательныя къ нему подбираютъ мѣтко. Одинъ — мистическій анархистъ, другой — коллективистъ-мистикъ, третій — мистикъ экстатическій... При видѣ этого удивительнаго сочетанія мистицизма съ отчетливымъ и яснымъ самосозерцаніемъ невольно впадаешь въ сомнѣніе. Англичане говорятъ: «отъ одной и той же коровы трудно одновременно получить и бифштексъ, и молоко»...

Нельзя, конечно, вытравить изъ жизни тайну и таинственное. Сухо-раціоналистическое ощущеніе міра отталкивается не только религіознымъ чувствомъ и поэзіей, но и современной наукой, разрушающей одну тайну для того только, чтобы на ея мѣстѣ обнаружить другую, не менѣе непостижимую. Но подъ мистицизмомъ его протагонисты понимаютъ обыкновенно не эту таинственность міра, которую не можетъ не чувствовать живущій, а нѣчто другое — міроощущеніе иного плана, особое соприкосновеніе тайнѣ, особыя пути ея постиженія. Были очень большіе и искренніе люди, которые носили въ себѣ это чувство какъ подлинную сущность души, и жили въ немъ полно и естественно, какъ въ своей природной стихіи. Были такіе люди на Востокѣ, были на Западѣ, были и въ Россіи. Но **это** мистическое чувство никогда не бывало удѣломъ цѣлыхъ націй. Между тѣмъ, «сознательные» мистики, о которыхъ я говорилъ выше, дежурятъ у дверей вѣчности какъ бы спеціально для того, чтобы оправдать легенду о мистической природѣ цѣлаго народа — въ нашемъ случаѣ: народа русскаго. Въ свѣтѣ своихъ особыхъ озареній они толкуютъ русскую дѣйствительность, притягивая ее за волосы, и подъ угломъ своихъ «постулатовъ» навязываютъ жизни замысловатыя пути развитія, вдавливая ее въ свои мистическія колодки. Позволительно, однако, спросить, оправдываетъ ли дѣйствительность самую эту мистическую легенду.

Замѣчательно, что въ русской литературѣ не найти ни одного большого, канонизированнаго, такъ сказать, мистическаго типа. Русскій простолюдинъ, крестьянинъ, помѣщикъ, купецъ, интеллигентъ, священникъ, монахъ почти всегда рисовались русскимъ писателямъ людьми нашего измѣренія. Добрые, злые, благостные, мерзкіе, безбожники, вѣрующіе, наивные, лукавые, идеалисты, циники, смутные пантеисты, энтузіасты, лѣнивцы, — но всегда отъ міра сего. Если не считать мистицизмомъ суевѣріе — вѣру въ лѣшихъ и домовыхъ: если мистицизмомъ не считать ни интенсивность нормальнаго религіознаго чувства, ни экзальтированный національзмъ, ни мессіонизмъ, ни высокую благостность монашеской мудрости; если не считать, наконецъ, мистицизмомъ фантасмагорическія преображенія конкретной были Невскаго проспекта, въ которыхъ тревожно трепещетъ тоска душевно надломленнаго генія — русская литература мистическихъ образовъ не создала. Мистицизмъ, **никогда не разсуждающій,** населяющій міръ призраками, и въ нихъ однихъ видящій реальность, съ очарованнымъ ужасомъ, съ испуганнымъ блаженствомъ ощущающій вѣчность и гробъ, изъ этого жуткаго и прельстительнаго круга въ мірѣ профанный не стремящійся, потому, что этого міра для него просто не существуетъ — этотъ мистицизмъ, единственной мистическій, въ Россіи никогда не прививался, никогда не пускалъ корней.

Тютчевъ? Но Тютчевъ населилъ мощными привидѣніями **только ночь.** Онъ не коснулся дня, надъ которымъ продолжало сіять пушкинское солнце.

Даніилъ Рѣзниковъ.

Что будетъ съ нашей литературой?

Можетъ быть за все существованіе нашей культуры никогда еще это «что будетъ» не возникало такъ вопросительно и такъ безотвѣтно. Литература переживаетъ теперь томительную пору. Вопросы, стоящіе сейчасъ передъ литературой, — только частности того общаго явленія, которое охватило всѣ стороны жизни. Теперь это называютъ «кризисомъ». Что значитъ это чужое, неразумительное для русскаго уха слово? Давайте, ужъ скажемъ прямо: **все умретъ...**

Но мы совсѣмъ еще не собираемся умирать и не думаемъ хоронить нашу литературу. Можетъ быть, старѣющая, раціоналистическая литература Запада — литература отчетливыхъ, совершенныхъ и законченныхъ формъ, «сильная и граціозная въ движеніи, но въ глубинѣ неподвижная на своихъ закрѣпленныхъ основаніяхъ», — эта увядающая, на-половину, засохшая, но все еще очаровательная роза («но этотъ листокъ, что иссохъ и свалился, — золотомъ вѣчнымъ горитъ въ пѣснопѣньѣ») — можетъ быть эта литература умираетъ. Во всякомъ случаѣ, — несомнѣнно, что кризисъ охватилъ всю культуру Запада. Совершенство формъ, которыхъ достигло искусство Запада, — здѣсь знаменуетъ собою предѣлъ. Даже живую ткань нельзя утончать до безконечности: — она оборвется. — Это формально. По существу же, вопросъ этотъ, углубляясь, приводитъ къ сердцу литературы — къ человѣку. Никакіе рецепты литературныхъ школъ и направленій помочь не могутъ: ни кубизмъ, ни Поль Валери, ни фрейдизмъ, ни сверхреалисты не разрѣшаютъ кризиса: «не въ блуждающей почкѣ тутъ дѣло, а въ жизни и смерти».

Но изъ этого никакъ нельзя сказать о нашей литературѣ, — литературѣ, которая, по совѣсти говоря, еще не имѣетъ своей «исторіи». Если не считать поэтовъ, жившихъ до Пушкина, — всю нашу литературу отъ Пушкина до нашего времени можно счесть за одинъ неразрывный день. Мы только начинаемъ жить. На нашихъ глазахъ жилъ Толстой. Толстой умеръ на рукахъ нашего вѣка.

«Толстой живетъ среди насъ. Намъ трудно оцѣнить и понять это, какъ слѣдуетъ. Сознаніе того, что чудесное было рядомъ съ нами, часто приходитъ слишкомъ поздно. Надо помнить, что само существованіе генія есть непрестанное излученіе свѣта на современниковъ. Свѣтъ этотъ и близорукихъ остерегалъ отъ самыхъ опасныхъ мѣстъ. Мы сами не понимаемъ, что, несмотря на страшныя уклоненія наши отъ истиннаго пути, мы еще минуемъ счастливо самыя страшныя пропасти; что этимъ счастьемъ, которое твердитъ намъ всегда: еще не поздно, — мы обязаны, можетъ быть, только недремлющему и незаходящему солнцу Толстого. — Интеллигенціи надо торопиться понимать Толстого съ юности, пока наслѣдственная болѣзнь призрачныхъ дѣлъ и праздной ироніи не успѣла ослабить духовныхъ и тѣлесныхъ силъ». («Записныя книжки» Блока).

Можно ли серьезно говорить о «кризисѣ» нашей литературы? Бѣдствіе, которое постигло нашу литературу, не кризисъ, — это всего лишь порожденіе времени, т. е. нѣчто пришедшее «извнѣ», мѣняющееся и преходящее. Духовнаго кризиса мы не знаемъ. Однако, несомнѣнно: — мы переживаемъ какой-то разладъ — **расхожденіе искусства и, въ частности, литературы, съ человѣкомъ.** Это расхожденіе началось въ 90-хъ годахъ. «Декадентскій» періодъ нашей литературы, несмотря на наличіе большихъ талантовъ и произведеній, — былъ всетаки упадочнымъ. Онъ утратилъ органическую связь съ жизнью и народомъ своей страны. Вдохновляясь Западомъ, онъ ушелъ отъ большой традиціи нашей литературы и сдѣлалъ ее достояніемъ очень узкаго круга литературной интеллигенціи. Эта «безвоздушность» литературы сознавалась въ свое время отдѣльными людьми. Въ ней задыхался и умиралъ Блокъ.

Еще раньше о судьбѣ литературы и о «разладѣ» въ ней говорилъ Толстой.

«Мнѣ кажется, что со временемъ вообще перестанутъ **выдумывать** художественныя произведенія. Будетъ совѣстно сочинять про какого-нибудь выдуманнаго Ивана Ивановича или Марью Петровну. Писатели, **если они будутъ,** — будутъ не сочинять, а только разсказывать то значительное и интересное, что имъ случилось наблюдать въ жизни». Это говоритъ Толстой (А. Гольденвейзеръ «Вблизи Толстого») и его продолжаетъ Розановъ:

«Собственно мы **хорошо знаемъ** — единственно **себя.** О всемъ прочемъ — догадываемся, спрашиваемъ. Но если единственная «открывшаяся дѣйствительность есть «я», то, очевидно, и разсказывай объ «я» (если сумѣешь и сможешь)». («Опавшіе листья»).

Что это значитъ: — **«писатели, если они будутъ»?** Толстой допускаетъ, что писатели могутъ и не быть. А какая же литература возможна безъ писателей? — Значитъ, и писатели и литература могутъ прекратиться. Если-же «они будутъ», — то «перестанутъ **выдумывать»,** перестанутъ **«сочинять»** художественныя произведенія. Толстой связалъ эти двѣ возможности и обусловилъ одну — другой. Т. е., существованіе литературы будетъ возможно только въ томъ случаѣ, если писатели перестанутъ «выдумывать» и «сочинять», если они кореннымъ образомъ измѣнятъ свое отношеніе къ литературѣ. — Литература должна будетъ измѣниться въ своемъ существѣ, — или она прекратится.

Это говорилъ Толстой. Это нельзя обойти молчаніемъ.

А вотъ слова Розанова:

... «Иногда кажется, что во мнѣ происходитъ разложеніе литературы, самаго **существа ея.** И, можетъ быть, это есть мое міровое emploi. Тутъ и моя особая мораль, и иморальность»... «Я ввелъ въ литературу самое мелочное, мимолетное, невидимыя движенія души, паутинки быта»... «Такимъ образомъ, явно во мнѣ есть какое-то завершеніе литературы; **литературности;** ея существа, — какъ потребности отразить и выразить»... «О, фантазировать, творить еще можно: но вѣдь суть литературы не въ **вымыслѣ-же,** а въ потребности **сказать сердце.** И вотъ съ этой точки я кончаю и кончилъ. И у меня мелькаетъ странное чувство, что я **послѣдній** писатель, съ которымъ литература вообще прекратится, кромѣ хлама, который тоже прекратится скоро. Люди станутъ просто **жить,** считая смѣшнымъ, и ненужнымъ, и отвратительнымъ **литераторствовать...»** («Опавшіе листья»).

,.. «Писатели, **если они будутъ»?** ... «Я **послѣдній** писатель, съ которымъ литература вообще прекратится»... «Во мнѣ есть какое-то завершеніе литературы: **литературности»...** писатели «вообще перестанутъ выдумывать»... «Суть литературы не **въ вымыслѣ-же,** а въ потребности **сказать сердце»...** — Здѣсь завязывался узелъ тѣхъ взаимоотношеній, который долженъ будетъ связать писателя съ читателемъ, литературу — съ человѣкомъ.

Мы сейчасъ не имѣемъ настоящей литературы, литературы въ томъ смыслѣ, въ какомъ она представлялась Гоголю, Достоевскому, Толстому, Розанову. Сегодняшняя литература вся въ поискахъ, въ попыткахъ, въ раздумьи. Сегодняшняя литература сильна не словомъ, — она сильна молчаніемъ.

Литературѣ, — если она будетъ — предстоитъ борьба противъ растущаго, все матеріализирующаго, все мертвящаго, отчаяннаго строя жизни. Она будетъ бороться за человѣка, — за духъ человѣческій, — человѣческую мечту, — или она покорится и погибнетъ.

Прекрасному искусству, «для искусства» пора на отдыхъ. Наше время предъявляетъ новыя требованія. Другія задачи встаютъ передъ нами. Они требуютъ отъ литературы большого этическаго напряженія.

Намъ нужно осознать по новому, что такое искусство, что такое писатель. Нужно пишущему продумать свою писательскую судьбу: — судьбу писателя-человѣка, а не писателя-литератора, — осмыслить свое мѣсто и назначеніе въ жизни.

Литература должна выйти на эту дорогу, по которой, когда-то, сгибаясь и падая, прошелъ Достоевскій, неся на себѣ огненную судьбу Россіи.

Русская Литература За Рубежомъ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ АЛДАНОВА

М. АЛДАНОВЪ. Портреты. Из-во «Слово». Берлинъ 1931.

На русскій языкъ лишь приблизительно можно перевести слово «essay», соотвѣтствующее и во французской и въ англійской литературѣ особому жанру — легкимъ и короткимъ очеркамъ о событіяхъ и людяхъ. Отъ «essay» пошла и столь распространенная нынѣ «романизированная біографія». Замѣчательный англійскій писатель Уольтеръ Пейтеръ былъ родоначальникомъ этого жанра въ современной англійской словесности, давшей прекрасные образы «essay». Въ Россіи эссеистовъ почти не было, и Алдановъ несомнѣнно заполнилъ этотъ пробѣлъ. Онъ мастеръ небольшого очерка о людяхъ жившихъ или живущихъ, и его характеристики являются прекрасными историческими портретами. Въ нихъ съ особенной очевидностью проявлены основныя черты Алданова: его аналитическій умъ, обнаруживающій истинныя причины человѣческихъ дѣйствій, его скептизимъ, разрушающій пестроту иллюзіи, его острота и блескъ занимательнаго разсказчика, его широкая эрудиція и добросовѣстное изученіе источниковъ. Въ новой книгѣ, примыкающей къ серіи «Современниковъ», даны характеристики Бріана и Пилсудскаго, Кайо и генерала Пишегрю. Нѣсколько въ сторонѣ стоятъ очерки о Сперанскомъ и декабристахъ и объ Ольгѣ Жеребцовой.

Кто то назвалъ «портреты» Алданова психологическими. Это совершенно неправильно. Чисто личные, человѣческія черты даны Алдановымъ анекдотически, въ видѣ иллюстраціи къ тому, что больше всего интересуетъ автора. А занимаетъ его не столько душевныя боренія или психологія людей, а исторія ихъ жизни, та роль, которую выполняютъ они на подмосткахъ, то сплетеніе, случайностей, удачъ и проваловъ, которое возноситъ и повергаетъ во прахъ парламентскихъ вождей, народныхъ трибуновъ или кандидатовъ въ герои. Алдановъ любопытствуетъ ко всей этой земной игрѣ — и съ обычной своей улыбкой пониманія, легкаго презрѣнія и отчужденности, въ формѣ изящнаго разсказа и мѣткихъ опредѣленій показываетъ читателю, какъ создается слава, какъ рушатся авторитеты, какъ приводится въ движеніе весь хитрый механизмъ политическихъ уловокъ, страстей и усилій, опредѣляющихъ судьбу «сильныхъ міра сего».

М. Сл.

РОМАНЪ ОБЪ ИГРОКѢ

В. СИРИНЪ. Защита Лужина. Романъ. Книгоиздательство «Слово». Берлинъ 1930.

«Защита Лужина» только недавно вышла отдѣльнымъ изданіемъ, несмотря на то, что романъ написанъ довольно давно: еще въ 1929 году его начали печатать, изъ номера въ номеръ, «Современныя Записки». Критика отнеслась къ произведенію В. Сирина двойственно — съ одной стороны его чрезвычайно расхваливали, съ другой романъ вызвалъ нѣсколько «обвинительныхъ» статей и замѣтокъ. Часто подобная двойственность является признакомъ опредѣленной незаурядности. Дѣйствительно, «Защита Лужина» явленіе безусловно примѣчательное.

Русская литература почти никогда не интересовалась шахматами. Единственное произведеніе вспоминающееся мнѣ — «Деревянная Королева» Леонова. Но въ повѣсти Леонова главное удареніе падаетъ на «стихійность» шахматъ, на ихъ ирреальность, въ то время, какъ «Защита Лужина», несмотря на всю неконкретность шахматъ, черезвычайно вещественна. Неуловимая душа высокой игры поймана арканомъ, представлена реально и отчетливо. Дано не только понятіе, не только ощущеніе, но и физическая возможность «осязанія» шахматной гармоніи. Уже одно это позволяетъ назвать «Защиту Лужина» одной изъ самыхъ интересныхъ книгъ, появившихся за послѣдній годъ.

Содержаніе романа сводится къ описанію жизни въ дѣйствительности никогда не существовавшаго игрока — Лужина. Его дѣтство — одно изъ лучшихъ мѣстъ романа, — его болѣзнь — сумасшествіе, — его женитьба, возвращеніе болѣзни и — самоубійство. Весь романъ написанъ однимъ, чрезвычайно характернымъ для Сирина ритмомъ. Иногда попадаются «прозаизмы», перебивающіе на мигъ общій тонъ произведенія, но каждый разъ Сиринъ находитъ въ себѣ силу вновь подняться на прежнюю высоту. Создается впечатлѣніе туго натянутой струны — звенящей, съ начала и до конца, на одной и той же высокой нотѣ.

Срывомъ струны — самымъ рѣзкимъ ея звукомъ — кончается романъ. Когда Лужинъ въ припадкѣ безумія выбрасывается изъ окна «и въ тотъ мигъ, что Лужинъ разжалъ руки, въ тотъ мигъ, что хлынулъ въ тотъ стремительный ледяной воздухъ, онъ увидѣлъ, какая именно вѣчность угодливо и неумолимо раскинулась передъ нимъ» — въ уже опустѣвшую комнату врываются люди — и мы въ первый разъ узнаемъ имя и отчество Лужина.

— «Александръ Ивановичъ, Александръ Ивановичъ!» — заревѣло нѣсколько голосовъ.

Этой, быть можетъ чуть-чуть надуманной, но все же очень мѣткой деталью, дается читателю послѣдняя человѣческая черта Лужина - шахматиста, въ послѣдній разъ приближается къ намъ еще живой, еще дышащій Лужинъ, передъ неумолимой бездной своего окончательнаго проигрыша.

Вадимъ Андреевъ.

КНИГА СТИХОВЪ А. ЛАДИНСКАГО

АНТ. ЛАДИНСКІЙ. «Черное и голубое». Из-во «Современныя Записки». Парижъ 1931.

Имя Ант. Ладинскаго уже давно извѣстно тѣмъ, кто не утратилъ еще любви къ «мелихлюндіямъ изъ арсенала искусствъ». Уже давно въ газетахъ и толстыхъ журналахъ появлялись его прелестные стихи, какъ бы овѣянные легкимъ дыханіемъ отлетающей въ эмпиреи Психеи. Я думалъ, что если выйдетъ книга Ладинскаго, то лучшимъ къ ней эпиграфомъ будутъ слова самаго поэта: «какъ бабочекъ порханье, намъ бренный міръ стиховъ». Но вотъ эта книга появилась, и соединенныя вмѣстѣ эти нарядныя и очаровательныя стихи пріобрѣли какое то новое, болѣе глубокое, высшее и въ то же время болѣе человѣчески-реальное бытіе. Слова «на небесный летимъ мы - огонекъ» вдругъ начинаютъ тотъ «дворецъ» Сефира, въ которомъ Богъ отображается въ душѣ поэта, «въ шопотѣ стиховъ» предпринимающей отплытіе, полетъ, возвращеніе къ своему началу и источнику.

Но въ стихахъ Ладинскаго нѣтъ того неживого обстрактнаго холода, того элемента «блѣдной нежити», который, дѣлая ихъ похожими на какихъ то серафическихъ нечеловѣческихъ существъ такъ часто отдѣляетъ отъ жизни многихъ мистическихъ поэтовъ. Наобоортъ, его муза съ нѣжностью и съ печальнымъ сожалѣніемъ склоняется надъ самой обыкновенной и простой земною жизнью:

Только земля, земное,
Черная, дорогая мать.
Научила любить голубое
И за небесное умирать.

Вся поэзія Ладинскаго полна мечтаніями души о возвращеніи къ «райскимъ рощамъ, домой», сожалѣніемъ о покидаемой землѣ и жалобами на ожидающее «летейское забвеніе»:

Съ земною дѣвушкой румяной
Торопимся поговорить,
На ледяные океаны
Спѣшимъ ей жалобы излить

Но снова насъ несетъ въ пучины
Въ сырую вѣчность, навсегда,
Отливъ тяжелый, взмахъ единый —
Глухая черная вода.

Мнѣ думается, что и по своимъ темамъ и по своему «дыханію» Ладинскій принадлежитъ къ тому теченію современной русской поэзіи, которое образуется поколѣніемъ переходнымъ, еще помнящимъ Петербургъ, и поколѣніемъ новымъ, парижско - эмигрантскимъ. Но какъ во всемъ его творчествѣ, есть въ стихахъ Ладинскаго, несмотря на ихъ возвышенный строй и «столичный» блескъ, какая то глубокая связанность съ безхитростными романтическими мечтаніями трогательно - простой и бѣдной, впервые воспѣтой Пушкинымъ и теперь вѣроятно исчезнувшей, провинціальной русской жизни и можетъ быть именно эта тайная связанность, какъ звучаніе какого то тихаго и прекраснаго забытаго голоса и придаетъ что то особо чистое, простое и прелестное стихотворному міру Ладинскаго. Есть и еще одна особенная черта: это спокойная, безропотная, безъ героически-театральныхъ жестовъ мужественность:

Не жалуется муза на невзгоды:
такъ рядовымъ солдатомъ переходы
ты съ мушкетерскимъ дѣлала полкомъ.

Въ книгѣ немного стиховъ, посвященныхъ войнѣ, но все время, какъ неотступно - присутствующее воспоминаніе, проходятъ тѣни сраженій, слышится «призрачный галопъ копытъ» и кажется, что надъ всей поэзіей Ладинскаго, точно какое то недоговоренное «слово о полку», стоитъ трагическій призракъ исторической донъ-кихотской гибели русскаго армейскаго офицерства:

«до конца стоимъ и гибнемъ мы
въ мундирахъ бѣлыхъ».

Вл. Варшавскій.

...Байронъ не могъ изъяснить нѣкоторые свои стихи. Есть два рода безсмыслицы: одна происходитъ отъ недостатка чувствъ и мыслей, замѣняемаго словами, другая — отъ полноты чувствъ и мыслей и недостатка словъ для ихъ выраженія.

А. Пушкинъ.

«Журналъ нашъ поставляетъ себѣ неизмѣннымъ правиломъ говорить прямо свое мнѣніе о всякомъ литературномъ и честномъ трудѣ. Громкое имя, подписанное подъ нимъ, обязываетъ судъ быть только строже къ нему, и журналъ нашъ никогда не снизойдетъ до общепринятой теперь уловки — наговорить извѣстному писателю десять напышенныхъ комплиментовъ, чтобы имѣть право сдѣлать одно не совсѣмъ лестное для него замѣчаніе. Похвала всегда цѣломудренна, одна лесть пахнетъ лакейской».

Ф. М. Достоевскій.

РАЗСКАЗЫ В. ФЕДОРОВА

ВАСИЛІЙ ФЕДОРОВЪ. Судъ Вареника. Изд. Стихъ, Прага. 1930.

Сборникъ разсказовъ Василія Федорова, конечно, не останется незамѣченнымъ. Въ наше время высокой литературной культуры нетрудно обманываться мнимой писательской одаренностью. Скучные и надуманные книги слывутъ за настоящую литературу часто только потому, что виртуозность ихъ «оформленія» принимается за доказательство авторскаго глубокомыслія. Оформленіе пяти разсказовъ разсматриваемаго сборника само по себѣ еще не опредѣляетъ талантливости автора. Языкъ Федорова мѣстами кустаренъ, часто безполезно грубоватъ, иногда обремененъ банальными оборотами — и при всей своей положительной зависимости отъ свѣжаго жизненнаго матеріала, при всей своей полнокровности и естественности, недостаточно «олитературенъ». Феедоровъ пишетъ, пожалуй, по старинкѣ, т. е. съ той увѣренностью и простотой, которая дается писателю приложеніемъ къ его замысламъ безошиочныхъ и устойчивыхъ методовъ изооражения, — техъ методовъ, по которымъ прямая всегда является кратчаишимъ путемъ и дѣйствіе всегда развивается въ хронологической закономѣрности. Правда, въ его разсказахъ ощущается нѣкоторая работа надъ обновленіемъ слова — но свѣжесть и остроуміе образовъ, какъ то связанныхъ своей лирической приподнятостью, еще не создаютъ единаго стиля книги.

Но все же Федоровъ настоящій писатель, и его грубоватая, ироническая и насмѣшливая книга разсказываетъ о подлинной жизни. Федоровъ — плохой резонеръ и неубѣдительный философъ, но даже въ самомъ неудачномъ — именно по причинѣ примитивнаго глубокомыслія — разсказѣ «Судъ Вареника» онъ остается отличнымъ бытописателемъ, наблюдательнымъ изобразителемъ, вещей, природы, человѣческихъ чувствъ. Всѣ разсказы его сборника — за исключеніемъ «Деревяннаго міра» посвящены природѣ и людямъ Днѣпра, простому, счастливому и своеобразному міру рыбаковъ и охотниковъ. Федоровъ счастливо избѣгаетъ воспоминательнаго многословія, и его лирическія отступленія, перебиваемыя комизмомъ или нарочитой грубостью основного «сюжетнаго» тона, удачно исполняютъ роль контрастирующаго матеріала. Въ этой двупланности есть своя иронія, которая видоизмѣняетъ и «авторизируетъ» гоголевскій стиль повѣствованія.

Можетъ быть Федорову не хватаетъ мастерства: умѣнія съ одинаковой убѣдительностью развить каждую свою тему. Но его разсказы свидѣтельствуютъ о его зоркости, наблюдательности, о точности его художественнаго глазомѣра — о его писательскомъ нутрѣ.

Г. Х.

СТИХИ ПОПЛАВСКАГО

БОРИСЪ ПОПЛАВСКІЙ. Флаги. «Числа». Парижъ 1931.

Имя Бориса Поплавскаго, сравнительно недавно появившееся въ печати, за короткій срокъ перестало быть чужимъ для зарубежныхъ читателей. Поплавскій въ настоящее время печатается почти всѣми эмигрантскими періодическими изданіями, печатается охотно и часто. Если этотъ, чисто внѣшній успѣхъ, еще не можетъ быть доказательствомъ талантливости поэта, то во всякомъ случаѣ онъ свидѣтельствуетъ, что поэзія его не остается безъ отзыва, что она для многихъ пріемлема и даже необходима, т. е., что она въ какой то мѣрѣ, соотвѣтствуетъ потребностямъ эмигрантскаго читателя.

Изданіе «Флаговъ» пришлось какъ нельзя болѣе кстати — оно даетъ возмож-

Въ литературныхъ объединенiяхъ

Скитъ поэтовъ

Письмо изъ Праги.

Почти девятилѣтнюю исторiю пражскаго «Скита поэтовъ» — изъ существующихъ самаго стараго литературнаго объединенiя молодыхъ писателей — можно разсказать и очень подробно и очень коротко. Внутренняя жизнь «Скита» — смѣна литературныхъ симпатiй, настроенiй и тяготѣнiй въ средѣ «скитниковъ» — была всѣ эти десять лѣтъ въ постоянной связи съ общей жизнью русской литературы. Прокуренный воздухъ понедѣльничныхъ собранiй въ пражскомъ «Педагогическомъ Бюро» былъ насыщенъ кислородомъ современности. Рѣшительное принятiе такъ наз. совѣтской литературы, то, о чемъ сейчасъ смѣшно спорить, явилось для 1922 года первымъ подвигомъ «Скита». Движенiе именъ Пастернака, Есенина, Маяковскаго, Тихонова свидѣтельствуетъ о переходящихъ поэтическихъ устремленiяхъ отдѣльныхъ участниковъ «Скита», постоянство имени Пушкина — о прочномъ сознанiи литературной преемственности.. Индивидуально участники «Скита» росли каждый по своему, внѣ какой-либо обязательной поэтической школы.

Фактическiе моменты исторiи «Скита» таковы. Первое собранiе состоялось 26 февраля 1922 года — въ этомъ же году «Скитъ» вобралъ въ себя нѣкiй постоянный коллективъ. Отъ предварительной «учобы», отъ лекцiй по поэтикѣ и стихотворенiю «скитники» быстро перешли къ самостоятельной творческой работѣ. Читали, очень прямолинейно обсуждали прочитанное, строили изъ сталкивающихся мнѣнiй и оцѣнокъ поэтику ученичества. Можетъ быть незаконно — во имя литературной объективности — изъ духовнаго обихода «Скита» была исключена тема политики, но неисчерпаемой и центральной осталась тема предѣльнаго мастерства. Собранiя «Скита» были и являются открытыми, у «Скита» есть свои друзья — небольшое количество участниковъ создаетъ внутреннюю дружественность жизни «Скита». За девять лѣтъ въ дѣятельности «Скита» и въ его личномъ составѣ произошли значительныя измѣненiя. «Скитъ» давно пересталъ быть прибѣжищемъ только поэтовъ, и проза занимаетъ въ немъ равноправное мѣсто со стихами. Старые «скитники» — **И. И. Тидеманъ, Сергѣй Рафальскiй, Николай Болѣсцисъ, Дмитрiй Кобяковъ, Александръ Туринцевъ** — еще нѣсколько — больше не въ Прагѣ и не принимаютъ участiе въ работѣ «Скита». Послѣднимъ уѣхалъ въ Парижъ **Алексѣй Эйснеръ** — пафосъ его поведенiя во многомъ опредѣлялъ быть «Скита». Остались изъ старшаго поколѣнiя «Скита» — **Вячеславъ Лебедевъ, Василiй Федоровъ, В. Амфитеатровъ-Кадашевъ, А. Фотинскiй, А. Воеводинъ, М. Мыслинская**, и вошелъ цѣлый рядъ молодыхъ, имена которыхъ постепенно проникаютъ въ печать.

Основателемъ и незамѣнимымъ руководителемъ «Скита» является **Альфредъ Людвиговичъ Бемъ**. Его инициативѣ «Скитъ» обязанъ въ частности своими издательскими начинанiями: въ серiи предполагающихся изданiй «Скита» вышли стихи Лебедева и проза Федорова.

Нѣтъ основанiй останавливаться подробнѣе на послѣднемъ годѣ жизни «Скита». Равномѣрность его работы остается неизмѣнной. Открытый вечеръ «Скита» въ этомъ году неожиданно оказался въ центрѣ широкаго вниманiя — можетъ быть въ этомъ симптомъ новаго отношенiя къ литературной молодежи.

X.

„Молодая Чураевка"

Пять лѣтъ тому назадъ въ Харбинѣ при Христiанскомъ Союзѣ Молодыхъ Людей было основано литературное общество «Молодая Чураевка». Къ нему присоединились художники и музыканты, и «Чураевка» вскорѣ сдѣлалась культурнымъ центромъ русской молодежи въ Харбинѣ. За послѣднiе годы «вторники», на которыхъ читались литературныя произведенiя и шли бесѣды и споры, стали оживленно посѣщаться и публикой, и «Молодая Чураевка» быстро завоевала себѣ признанiе. На собранiяхъ «Чураевки» бываетъ отъ 150 до 400 человѣкъ. Бесѣды, доклады, чашки чая, концерты, собранiя организацiоннаго характера, театральныя постановки (въ весьма скромныхъ правда размѣрахъ, за недостаткомъ средствъ) происходятъ еженедѣльно. Составъ «Чураевки» постоянно пополняется новыми членами. Устраиваетъ «Чураевка» и радiо вечера, при посредствѣ Широковѣщательной станцiи Сѣверной Манчжурiи. На этихъ вечерахъ читаются разсказы и стихи.

Недавно поэтами Чураевки выпущенъ сборникъ стиховъ «Семеро», отзывъ о которомъ имѣется въ настоящемъ номерѣ «Новой Газеты».

ность судить о дѣйствительной цѣнности стиховъ Бориса Поплавскаго, о томъ по заслугамъ ли поняли и цѣнятъ его имя всѣ тѣ, кому еще нужна поэзiя, кто не заперся окончательно въ темномъ чуланѣ наивнаго отрицанiя литературы.

Обыкновенно книжка стиховъ подводитъ итогъ поэтической работы за два-три, рѣдко четыре года. Первую же книжку, почти всегда неудачную, принято ругать, такъ сказать, съ закрытыми глазами. «Флаги» являются исключенiемъ, какъ изъ перваго, такъ и изъ второго правила. Борисъ Поплавскiй пишетъ уже давно. Цѣлый рядъ стихотворенiй, написанныхъ имъ за перiодъ 1923-27 годы, не вошелъ въ книгу, по техническимъ соображенiямъ. Отсюда вѣроятная сжатость книги, быть можетъ, даже нѣсколько искажавшая первоначальный обликъ поэта. Тѣмъ не менѣе, индивидуальность Поплавскаго остается чрезвычайно ясной и отчетливой. Весь словарь его стихотворенiй, который, кстати, преждевременно склонны упрекать въ однообразiи и бѣдности, все построенiе образовъ, темы, даже «пустыя мѣста» — все носитъ особый, присущiй одному Поплавскому характеръ. Его стихи можно сразу узнать среди сотенъ другихъ по одной-двумъ строчкамъ. Блоковское начало поэзiи, начало лирически-мистическое, неотдѣлимое отъ стиховъ Поплавскаго, никогда не переходитъ ни въ подражанiе, ни въ ученичество, — это родственность, но не подчиненiе. Конечно, я не сравниваю Блока и Поплавскаго, что было бы смѣшно и безвкусно, а только указываю на очень важную особенность поэзiи Поплавскаго.

Лучшiе стихи во «Флагахъ» — «Черная Мадонна», съ ея мистическимъ, ирреальнымъ концомъ, когда, послѣ праздника въ парижскомъ предмѣстьи, послѣ шума вольтовой дуги надъ головой», рвоты и дыма фейерверка

Вдругъ возникнетъ на устахъ тромбона
Визгъ шаровъ, крутящихся во мглѣ.
Дико вскрикнетъ черная Мадонна,
Руки разметавъ въ смертельномъ снѣ.
И сквозь жаръ ночной, священный, адный,
Сквозь лиловый дымъ, гдѣ пѣлъ кларнетъ,
Запорхаетъ бѣлый, беспощадный
Снѣгъ, идущiй миллiоны лѣтъ.

Стихи о Флагахъ, о Мореллѣ, цѣлый рядъ стихотворенiй, посвященныхъ дѣтямъ, все это даетъ намъ право говорить о Поплавскомъ, какъ о поэтѣ, уже существующемъ, а не только «подающемъ надежды», уже сумѣвшемъ произнести первое свое настоящее слово. Будетъ ли закончена вся фраза или Поплавскiй сорвется — сказать сейчасъ трудно. Однако, думается мнѣ, поэту удастся закончить блестяще, съ рѣдкой удачей, начатую фразу.

А. Леонидовъ

ХАРБИНСКIЕ ПОЭТЫ

(Семеро. Сборникъ стихотворенiй. Изд. Молодая Чураевка», Харбинъ 1931).

Семеро — трое поэтовъ и четыре поэтессы, изъ объединенiя «Молодая Чураевка». Самые интересные изъ нихъ **Н. Свѣтловъ** и **Н. Щеголевъ**. Оба еще не вышли изъ перiода художественнаго ученичества, и въ ихъ стихахъ ощущается явственное влiянiе Есенина, Маяковскаго, Пастернака и Цвѣтаевой. Но хорошо уже и то, что обращаются они къ такимъ учителямъ, а не повторяютъ вчерашнюю поэтическую моду, какъ напр., **Н. Рѣзникова**, занимающаяся перепѣвами Ахматовой. Впрочемъ, ахматовскiе мотивы отравляютъ творчество и другихъ участницъ сборника: **Н. Ильнекъ, Л. Хаиндровой**, нѣсколько въ меньшей степени **Л. Андерсенъ**, у которой есть, какъ будто, стремленiе преодолѣть ихъ.

Хотя стихи Свѣтлова очень неровны, онъ представляется мнѣ самымъ талантливымъ. Удачны его переводы — передѣлки изъ китайской и японской поэзiи. Щеголеву, несмотря на нѣкоторыя имѣющiяся у него данныя, сильно вредитъ страсть къ дидактикѣ и философскимъ изреченiямъ, дѣлающимъ рядъ его стиховъ и досадно претенцiозными и тяжелыми. Свѣтловъ и Щеголевъ прошли, очевидно, извѣстную поэтическую школу: этого нельзя сказать объ остальныхъ авторахъ, произведенiя которыхъ носятъ «любительскiй характеръ». Имъ еще рано выступать со своими стихами передъ читателями. Если же понимать сборникъ, какъ нѣкоторый итогъ студiйной работы молодыхъ писателей въ Харбинѣ, его можно лишь привѣтствовать.

М. С.

МЫ И ФРАНЦУЗСКАЯ ЭМИГРАЦIЯ

К. МИЛЛЕРЪ. «Французская эмиграцiя и Россiя въ царствованiе Екатерины II». Изд. «Родникъ». Парижъ 1931.

Рекомендуемый вниманiю читателя трудъ К. Миллера заслуживаетъ самаго лестнаго отзыва. На 25 печатныхъ листахъ излагается исторiя французской эмиграцiи въ свѣтѣ взаимоотношенiй ея съ Россiей екатерининской эпохи. Эта единственная книга, охватывающая данный вопросъ во всей широтѣ и цѣльности, читается съ большимъ, все возрастающимъ, интересомъ.

Любопытно, что, несмотря на желанiе читающаго сравнить тогдашнiя событiя и тогдашнихъ людей съ нашей дѣйствительностью, — самъ авторъ на протяженiи всей работы ни разу не соблазнился самонапрашивающимся методомъ сравненiй и аналогiй. Больше того, онъ, точно самъ испугавшись той картины, которую изобразило его «безпристрастное» перо, спѣшитъ въ предисловiи извиниться передъ эмигрантскимъ читателемъ, успокоить его въ томъ, что двѣ эти эпохи «слишкомъ различны» и что всякое сравненiе было бы «крайне рискованнымъ». Увы, сами историческiе факты настолько безпощадны, настолько серьезно бьютъ «битыхъ», — что, послѣ прочтенiя книги, хочется признаться: «будемъ мужественны, найдемъ въ себѣ силы спокойно выслушать обвинительное слово исторiи, хотя бы только для того, чтобы еще разъ не повторить ошибокъ той эпохи». Авторъ книги, навѣрное, и самъ не подозрѣваетъ, какой силы и убѣдительности его «историческiй очеркъ», быть можетъ такъ же, какъ Екатерина II въ свое время не знала всей значительности своихъ словъ: «горе той странѣ, которая прибѣгаетъ къ иностранной помощи для спасенiя своей родины».

Нужно отмѣтить, что кромѣ образа Екатерины, автору удалось дать блестящiя характеристики двухъ героевъ французской эмиграцiи: графа Прованскаго и графа д-Артуа. Многолѣтнiй трудъ автора надъ собиранiемъ матерiала по исторiи этой эпохи, позволилъ ему, кромѣ описанiя всѣхъ взаимоотношенiй эмиграцiи съ европейскими странами и, особенно, съ Россiей (кстати, автору можно сдѣлать только одинъ упрекъ: онъ, увлекаясь, преувеличиваетъ значенiе «сѣверной Семирамиды» для дѣлъ французской революцiи), и кромѣ изображенiя «большихъ людей того времени» — развернуть передъ читателемъ цѣлую галлерею тогдашнихъ эмигрантовъ, чрезвычайно живо описанныхъ и хорошо запоминающихся. Очень удался автору несчастный Женэ, французскiй повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ, травимый всѣми: и своими, и русскими. Запоминается мало привлекательный Эстергази, трогательный все же въ отношенiи къ Россiи и... къ своей семьѣ.

О. Авдѣевъ.

Н. ЛОССКIЙ. Цѣнность и Бытiе. Богъ и Царство Божiе, какъ основа цѣнностей. YMCA-PRESS. Парижъ. 1931.

Лосскiй соединяетъ въ себѣ оригинальное мiровоззрѣнiе самостоятельнаго философа, создавшаго собственную систему «интуитивизма», съ лучшими традицiями русской философiи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ непрерывно слѣдитъ за развитiемъ всѣхъ школъ современной философской мысли своеобразно перерабатывая ихъ теченiя въ своемъ мiросозерцанiи. Въ настоящей книгѣ онъ ставитъ центральную проблему современной этики: проблему цѣнностей. Сдѣлавъ обзоръ всѣхъ современныхъ теорiй цѣнностей, онъ ставитъ вопросъ, въ сущности совершенно игнорируемый этими теорiями: какъ цѣнность относится къ бытiю и бытiе къ цѣнности? Не есть ли высшая цѣнность вмѣстѣ съ тѣмъ и высшая полнота бытiя? Для отвѣта на этотъ вопросъ авторъ возстанавливаетъ древнiя традицiи христiанской философiи, традицiя средневѣковья, соединяя ихъ съ идеями Лейбница и положенiями своей собственной системы. Настоящая книга представляетъ собою введенiе въ современную этику, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальнымъ русскимъ философскимъ произведенiемъ.

С. Х.

А. РЕМИЗОВЪ. Образъ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской вѣры. YMCA-PRESS. Парижъ, 1931.

Авторъ уже много лѣтъ изучаетъ огромный историческiй матерiалъ о жизни Николая Чудотворца, матерiалъ въ значительной части противорѣчивый и легендарный. Многiя легенды, художественно-обработанныя, уже появились въ печати. Онѣ производили совсѣмъ особое впечатлѣнiе: художественное очарованiе русскаго и византiйскаго примитива соединялось въ нихъ съ мистическимъ чувствомъ, отвѣчающимъ жаждѣ чудеснаго. Въ настоящей книгѣ даны лучшiе и новые образцы такого творчества. Но она содержитъ и нѣчто иное: результатъ громадной исторической работы, выполненной авторомъ, выразился въ синтетическомъ возсозданiи духовнаго образа Николая Чудотворца. Этотъ образъ дорогъ не только русской душѣ, ибо отвѣчаетъ нѣкоторой исконной потребности человѣка: потребности въ добротѣ, творящей чудеса. Нежданная и чудесная человѣческая помощь въ бѣдѣ — вотъ духовная сущность Николая Чудотворца, дѣлающая его близкимъ и дорогимъ самымъ различнымъ народамъ и въ самые различные перiоды исторiи. Авторъ показываетъ ликъ святого Николая, какъ онъ воспринимается народами востока и запада — отъ Византiи до Шартра.

С. Х.

БОРИСЪ СОКОЛОВЪ. Гибель Симона. Изд. Поволоцкаго, Парижъ 1931.

Темой для «Гибели Симона» Соколовъ взялъ исторiю доктора Бугра — знаменитаго убiйцы въ Марселѣ, присужденнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ безсрочной каторгѣ, бѣжавшаго изъ Гвiаны и практикующаго нынѣ въ одной изъ маленькихъ республикъ Южной Америки. Отъ себя уже Соколовъ превратилъ Симона-Бугра въ русскаго, разсказалъ попутно о томъ, какъ самъ онъ, Соколовъ, былъ раненъ на баррикадахъ, заставилъ Симона полюбить разомъ двухъ женщинъ, сдѣлалъ, однимъ словомъ все, лишь бы добиться занимательности и авантюрности. Но въ произведенiи Соколова нѣтъ честной увлекательности авантюрнаго романа: ей мѣшаетъ перегруженность психологiей не слишкомъ высокаго качества и невыносимый стиль — туманный, съ претензiями на модернизмъ. Однако, какихъ то своихъ читателей, не слишкомъ требовательныхъ, «Гибель Симона» все же будетъ имѣть.

А. Л.

ВЕЧЕРЪ ЧТЕНIЯ А. РЕМИЗОВА

31 марта во вторникъ въ «Лютецiи» состоится седьмой вечеръ чтенiя А. Ремизова. Второе отдѣленiе будетъ посвящено Гоголю и Толстому, а въ первомъ свое.

Билеты продаются въ книжномъ магазинѣ «Москва», 9, рю Дюпюитренъ (6).

Рукописи, присылаемыя въ редакцiю, должны быть переписаны на одной сторонѣ листа, по возможности на машинкѣ. Непринятыя рукописи не возвращаются и ни въ какую переписку по поводу нихъ редакцiя не входитъ.

Въ Россiи

ПОРТРЕТЪ ПИСАТЕЛЯ

ЛЕОНИДЪ ЛЕОНОВЪ

Леонидъ Леоновъ занимаетъ, несомнѣнно, первое мѣсто среди русскихъ писателей, выдвинувшихся въ годы революцiи. Уже въ 1925 г. въ его художественномъ активѣ были разсказы полуфантастическаго типа («Деревянная королева»), татарскiй сказъ «Туатамуръ», стилизованныя «Записки Ковякина», повѣсть изъ крестьянской жизни «Пѣтушихинскiй проломъ», написанная ритмической прозой, и «Конецъ мелкаго человѣка», изображавшiй гибель интеллигента, раздавленнаго революцiей.

Основной чертой этихъ произведенiй былъ ихъ «психологизмъ», ихъ любопытство къ человѣку. Еще рѣзче проявилось это направленiе леоновскаго творчества въ романахъ «Барсуки», описывавшемъ московское Зарядье до революцiи и деревню въ эпоху гражданской войны, и въ романѣ «Воръ», дававшемъ картину современнаго московскаго «дна» въ напряженной и острой формѣ, носившей на себѣ явные слѣды влiянiя Достоевскаго.

Леоновъ какъ бы служитъ мостомъ между новымъ и старымъ въ нашей литературѣ. И его изысканный, подчеркнуто поэтическiй стиль, въ которомъ перекрещиваются влiянiя А. Бѣлаго, Лѣскова и Ремизова; и построенiе его романовъ, обнаруживающее сложность творческихъ прiемовъ писателя; и отказъ отъ безстрастiя старой реалистической школы; и вся система его образовъ; и, наконецъ, романтическiй пафосъ его взволнованныхъ, насыщенныхъ драматизмомъ произведенiй, — все это тѣсно связываетъ Леонова съ той новой школой русскаго художества, которая появилась въ Россiи въ послѣднее десятилѣтiе. Леоновъ — представитель молодой «совѣтской» литературы. Но въ то же время, больше другихъ своихъ собратьевъ, близокъ онъ къ основной, внутренней традицiи русскаго искусства. Творчество Леонова серьезно, значительно, почти трагично. Все оно посвящено живой человѣческой личности, ея паденiямъ и исканiямъ, ея попыткамъ борьбы за самое себя, ее стремленiямъ разрѣшить въ революцiонную бурю проблему своей моральной цѣнности и своего утвержденiя передъ лицомъ размалывающей машины общества и государства. Сложный мiръ мучительныхъ вопросовъ, страстей, противорѣчiй, волнуется на страницахъ романовъ и повѣстей Леонова.

Этотъ мiръ не отличается отвлеченностью общихъ идей. Онъ глубоко нацiоналенъ. Леоновъ обладаетъ исключительнымъ «чувствомъ родины». Онъ отлично видитъ всѣ тѣ особенности русской природы и русскаго человѣка, которыя въ общемъ составляютъ основу «русской индивидуальности». У него всегда тяга къ тому, чтобы изобразить не «часть», а «цѣлое», охватить все то пестрое многообразiе племенъ, соцiальныхъ отношенiй, страстей, стремленiй и бурной борьбы, изъ которыхъ складывается современная Россiя. Въ послѣднемъ романѣ Леонова, «Соть», это чувство родины проявлено съ особенной яркостью.

Леоновъ еще очень молодъ. Ему 32 года. Ждать отъ него можно очень многаго. Но и того, что онъ написалъ до сихъ поръ, достаточно, чтобы признать его однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей современной русской литературы.

Мих. Адрiановъ.

Л. М. Леоновъ родился въ Москвѣ въ 1899 г. Сынъ крестьянина самоучки, ставшаго журналистомъ. Окончилъ гимназiю въ 1918 г., послѣ демобилизацiи изъ Красной армiи въ 1922 г. собирался поступить въ университетъ, но не былъ принятъ. Первое произведенiе: «Бурыга» 1922 г. Послѣднее произведенiе: «Саранча» въ московской «Красной Нови» кн. 11 за 1930 г. Романы: «Барсуки» — 1925, «Воръ» — 1928, «Соть» — 1930. Повѣсти: «Пѣтушихинскiй проломъ» — 1923, «Конецъ мелкаго человѣка» — 1924. Разсказы — 1926 и 1927, пьесы: «Унтиловскъ» и «Конецъ» Бададошкина» — 1929.

НОВЫЙ РОМАНЪ ПИЛЬНЯКА

Рытье канала между Москвой и Вязьмой, постройка запруды на Волгѣ, семейная драма стараго инженера Полетики, отъ котораго ушла жена, женскiя судьбы, сломленныя революцiей, несложный кругъ любви и разочарованiя, глухая Коломна съ башнями Марины Мнишекъ и новыми юродивыми, скупщики краснаго дерева, ненасытная страсть жадныхъ и безстрастная черта смерти, метанiя тѣхъ, кому нѣтъ мѣста въ этой жизни, самоубiйства, строительство, думы о Россiи — объ этомъ новый романъ Б. Пильняка «Волга течетъ въ Каспiйское море».

Въ него почти цѣликомъ вошли тѣ отрывки о «Красномъ деревѣ», которые были изданы за границей и послужили причиной опалы писателя. Сейчасъ Пильнякъ значительно измѣнилъ эти крамольныя мѣста. Но заслужитъ ли онъ благодаря этому прощенiе? Въ этомъ приходится сомнѣваться. Опять, какъ прежде, въ романѣ его сталкиваются два начала — Россiя людей «въ кожаныхъ курткахъ» и исконная Русь, живущая до-петровскимъ бытомъ въ насиженныхъ гнѣздахъ провинцiи. И хотя славитъ Пильнякъ торжество «несгибающагося человѣка», онъ окутываетъ романтической дымкой весь этотъ обреченный мiръ Коломны, нелѣпыхъ чудаковъ и хранителей краснаго дерева. И самое главное: на первый планъ проступаетъ не строительство, не хлопоты людей, а то вѣковѣчное, основное, которое правитъ жизнью — любовь, тоска, ужасъ умиранiя, поиски правды, и стихiйный зовъ земли и пола.

Новый романъ Пильняка тяжелѣе и даже нѣсколько скучнѣе послѣднихъ его повѣстей и разсказовъ, в которыхъ достигъ онъ столь нужной ему простоты. Но и сквозь обычную вязь словъ, положенiй и литературныхъ прiемовъ, проступаетъ талантъ писателя. Нѣкоторыя страницы романа, особенно о смерти, очень сильны. А все произведенiе — нѣсколько угрюмо, даже безотрадно. Показная бодрость не спасаетъ его: о грустныхъ вещахъ повѣствуетъ усталый и печальный авторъ.

М. Адр.

ДАНIИЛЪ ФИБИХЪ. Угаръ. Романъ въ двухъ частяхъ. Изд. «Петрополисъ». Берлинъ. 1930.

Новую, послѣднихъ годовъ, совѣтскую литературу можно назвать «производственной». Если существуетъ литература романтическая, символическая, парнасская и др., то вотъ передъ нами литература «индустрiальная». Классическими примѣрами этой литературы можно считать «Цементъ», Гладкова и «Бруски», Панферова.

Рецензируемый нами романъ Фибиха, конечно, тоже «индустрiальный». Родъ индустрiи въ данномъ случаѣ — ситецъ. Отсюда и заглавiе романа: «угаръ» — значитъ отбросы хлопка.

Интрига романа довольно сложная, развивается она въ порядкѣ «интенсивности» — въ этомъ смыслѣ книга читается легко. Къ директору мануфактурнаго треста, товарищу Чагину, человѣку большой воли и дѣла, прiѣзжаетъ его сынъ, Сергѣй, котораго тотъ считалъ погибшимъ во время гражданской войны. Въ встрѣчѣ этой выясняется, что отецъ и сынъ другъ другу чужiе. Сергѣй, еще подросткомъ, провелъ бурное время въ армiи Махно, воспитался на грабежахъ и убiйствахъ — и чуждъ своему отцу, серьезному и дѣловому коммунисту: онъ безпринципенъ и порочен. Подлинная сущность сына выясняется постепенно въ ходѣ романа — вначалѣ онъ какъ будто привлекателенъ. Его юношеская любовь къ Нинѣ, второй женѣ своего отца, его желанiе исправиться — тоска по ласкѣ — все это какъ будто прiемлемо. Авторъ все время намекаетъ на темное прошлое Сергѣя (привычка къ кокаину, попытка украсть браслетъ на одной вечеринкѣ, разсужденiя о томъ, что «убить человѣка — разъ плюнуть» и, наконецъ, таинственная фигура какого-то оборванца, преслѣдующаго Сергѣя) — пока, наконецъ, не выясняется окончательно, что Сергѣй — не только кокаинистъ, воръ, куритель опiума, но и убiйца-грабитель. Авторъ связалъ въ одинъ драматическiй узелъ всю развязку: Чагинъ-отецъ, по возвращенiи домой, узнаетъ объ измѣнѣ своей жены съ сыномъ — эта сцена трехъ еще не разрѣшена, когда появляется «человѣкъ въ телячьей курткѣ» и объявляетъ Сергѣю объ его арестѣ «за убiйство инженера Болта» (друга Чагина). Сергѣй «испытаннымъ блатнымъ прiемомъ» сбиваетъ съ ногъ вошедшаго и бросается на лѣстницу. Чагинъ-отецъ преслѣдуетъ сына и пристрѣливаетъ его внизу у выхода.

Идея романа? Ихъ нѣсколько — на выборъ. Борьба здороваго, высокаго (Чагинъ-отецъ) съ гнилымъ, низкимъ — съ отбросами эпохи — съ «угаромъ» (Чагинъ-сынъ). Или: противорѣчiя личныхъ и общественныхъ интересовъ: послѣ гибели личной жизни Чагина-отца, торжествуетъ строительство — романъ кончается бодрой нотой: «Источая свѣтъ, ослѣпительно горѣлъ въ темнотѣ прозрачный дворецъ.

Торжественный бодрый гулъ наполнялъ лѣсную ночь».

Вл. Семихатъ.

МИХ. ЗОЩЕНКО. Воспоминанiя о Мишелѣ Синягинѣ. Изд. «Петрополисъ», Берлинъ 1930.

Въ предисловiи своемъ къ этой небольшой бiографической повѣсти М. Зощенко оправдывается въ томъ, что описалъ на этотъ разъ переживанiя «другихъ, скажемъ, болѣе среднихъ людей, такъ сказать, не записанныхъ въ бархатную книгу жизни».

Дѣйствительно, жизнь Мишеля Синягина, «малоизвѣстнаго небольшого поэта», очень проста, заурядна, и, мало соотвѣтствуетъ годамъ войны, революцiи и соцiалистическаго строительства, въ которыхъ она проходитъ. «М. П. Синягинъ не былъ на войнѣ по случаю ущемленiя грыжи». Въ годы революцiи онъ гулялъ по улицамъ Пскова, сочиняя «стишки» и мечтая «о таинственности». «Тѣмъ не менѣе, поэтъ увлекся одной опредѣленной дѣвушкой и въ этомъ смыслѣ его поэтическiй генiй шелъ нѣсколько вразрѣзъ съ его житейскими потребностями». «Это было простое увлеченiе, это была несерьезная и, такъ сказать, черновая любовь»...

Послѣ долгой борьбы съ энергичной мамашей Симочки, сопротивляющiйся поэтъ вынужденъ былъ жениться, измѣнивъ своимъ высокимъ мечтамъ о незнакомкѣ. Но ни семейное счастье, ни рожденiе ребенка не успокаиваютъ Синягина, и онъ бѣжитъ изъ Пскова въ Ленинградъ. Столичная жизнь доводитъ Синягина до полной нищеты.

Черезъ девять лѣтъ, оборванный и худой, Мишель возвращается въ родныя мѣста. Къ концу повѣсти все рѣже замѣтна улыбка Зощенко. Свиданiе съ Симочкой, уже давно вышедшей замужъ за другого, но попрежнему любящей поэта, написано очень трогательно — а юморъ Зощенко въ данномъ случаѣ только усиливаетъ грусть. Сцена, когда Мишель ночью пробирается на кухню за съѣстнымъ, а Симочка, «дрожа всѣмъ тѣломъ», думаетъ, что Мишель пришелъ на свиданiе, — сцена, въ которой «жуя хлѣбъ, Мишель благодарно пожималъ ее ручки, прося не очень за него беспокоиться и не очень волноваться», по простотѣ душевной совсѣмъ не понимая чувствъ Симочки — эта сцена по «трагикомичности» великолѣпна.

Кончается эта повѣсть смертью Мишеля отъ воспаленiя легкихъ. «Симочка страшно плакала и долго не находила себѣ мѣста, проклиная себя за то, что она не сказала Мишелю всего, что хотѣла и что думала». «Могила его и посейчасъ убирается живыми цвѣтами».

Вотъ и все. Недоумѣнiе и грусть — вотъ чувства, которыя вызываетъ эта повѣсть. Что хотѣлъ ею сказать Зощенко? Ничего. Повѣсть написана «просто такъ». Скучная, тихая, провинцiальная жизнь, простыя, «ерундовыя» переживанiя...

Между тѣмъ — это вызовъ своему времени, это «пасквиль» на эпоху, это проповѣдь незыблемости вѣчныхъ человѣческихъ чувствъ — это тотъ (какъ и вообще весь Зощенко) исконный русскiй «гуманизмъ», который опредѣлился еще во времена Гоголя.

Таковы серьезныя выводы изъ «несерьезной», маленькой книжки Мих. Зощенко.

Вл. Семихатъ.

АРХИВЪ ОГАРЕВЫХЪ

(АРХИВЪ Н. А. и Н. П. ОГАРЕВЫХЪ. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ Гиз. 1931).

Эта книга, одна изъ интереснѣйшихъ историко-литературныхъ изданiй послѣдняго времени, представляетъ изъ себя V томъ «Русскихъ Пропилей», который не успѣлъ издать ихъ знаменитый редакторъ. Центральной фигурой этого тома является Н. А. Тучкова-Огарева. Ея личность, сложная, патологическая, еще до сихъ поръ не разгадана до конца, и мы видимъ, что и современники — участники личной драмы тоже становились втупикъ передъ ея тяжелымъ характеромъ. Многiе при этомъ старались понять Н. А. Огареву и облегчить ее горькую долю. Дж. Маццини въ письмахъ, очень характерныхъ для его мiровоззрѣнiя, утѣшаетъ Огареву въ постигшемъ ее горѣ — смерти дѣтей. «Вы снова увидитесь съ вашими дѣтьми», говоритъ онъ, а пока — суровый завѣтъ: «не улыбайтесь болѣе, страдайте до конца, но не слабѣйте, не сбрасывайте съ себя бремени»... Въ противоположность мрачной философiи подвижничества Маццини, Реклю (братъ географа) совѣтуетъ жить хотя бы просто изъ любопытства «наблюдать жизнь до конца». Но Е. А. Огарева менѣе всего была склонна къ «суевѣрной любви къ жизни во всѣхъ ея формахъ», и ея чуткiй другъ въ послѣднемъ письмѣ бросаетъ фразу, резюмирующую отношенiе къ Огаревой чуть ли не всѣхъ ея современниковъ: «Вы трагическая натура, вамъ нужно было несчастiе — и оно постигло васъ»... Среди многочисленныхъ семейныхъ писемъ имѣетъ очень важное значенiе письмо молодого Герцена по поводу угрозы общества «Народная Расправа», насилiемъ въ случаѣ напечатанiя писемъ покойнаго Герцена къ Бакунину (и вообще вся эта исторiя съ посмертнымъ изданiемъ, рисующая нравы части русской эмиграцiи того времени).

Большой отдѣлъ отведенъ Н. П. Огареву и Мэри Сэтерлендъ. Переписка интересна не только сама по себѣ, но и какъ памятникъ особой трактовки «женскаго вопроса» той эпохи, что очень вѣрно отмѣчено въ предисловiи Вяч. Полонскимъ.

Большой, исключительный интересъ представляетъ драма несчастной Лизы Герценъ. Ея письма и записки, приведенныя здѣсь — подлинныя литературныя произведенiя, письма Ш. Летурно, написанныя почти всегда чрезвычайно надуманно, и письма Нат. Герценъ, которая первая заподозрила въ отношенiяхъ Лизы и Летурно что то неладное, называвши Летурно «фальшивымъ и нравственно нечистымъ человѣкомъ» — даютъ огромный матерiалъ для того, чтобы разобраться въ этомъ печальномъ эпизодѣ изъ исторiи Герценовской семьи. Разсказъ Н. А. Огаревой о трагической смерти Лизы производитъ сильное впечатлѣнiе. Любопытенъ также разсказъ Огаревой объ отношенiи Нат. Герценъ къ Нечаеву, вызвавшiй недавно на страницахъ «Посл. Нов.» отзвукъ самой живой свидѣтельницы всей этой эпохи.

Въ книгѣ приложенъ некрологъ Н. А. Огаревой, написанный Гершензономъ, который вмѣстѣ съ вводной статьей В. Полонскаго даетъ читателю, неискушенному въ подробностяхъ, возможность разобраться въ отношенiяхъ дѣйствующихъ лицъ этого тома.

Н. К—гъ.

Новости Иностранной Литературы

Наше классическое незнаніе западнаго человѣка надѣлаетъ много бѣдъ, изъ него еще разовьются племенныя ненависти и кровавыя столкновенія.

А. Герценъ.

РОМАНЪ О ЗОЛОТѢ

ХИЛЭРЪ БЕЛЛОКЪ. Человѣкъ, который дѣлалъ золото. Изд. Арроусмитъ. Лондонъ 1931.

Подъ такимъ заглавіемъ появился послѣдній романъ изъ серіи **«Честеръ-Беллокъ»**, (текстъ — Беллока, рисунки — Дж. К. Честертона). Этотъ своеобразный юмористически - сатирическій жанръ пользуется въ Англіи огромнымъ успѣхомъ. Легкое чтеніе: сложнѣйшія приключенія, смѣшные герои, добродушная насмѣшка, острая современность. Все — ловко сработано; въ мѣру невѣроятно, въ мѣру дерзко. Средній англичанинъ — серьезенъ и полонъ уваженія къ «цѣнностямъ». Земля подъ нимъ не шатается и его спортивной душѣ несвойственно никакое безпокойство. Вотъ для него то и предназначено такое чтеніе. Въ романѣ Беллока здравый смыслъ и чувство порядка торжествуютъ надъ тревогой и путаницей нашего времени. Непонятное и зловѣщее представлено въ смѣшномъ видѣ. Разложеніе общества, упадокъ культуры войны, какъ сюжетъ для романа приключеній.

Современная наука. Теорія относительности. Ученіе объ атомахъ. Статистическіе законы. Какіе то смутные, чудесные слухи дошли до средняго читателя.

Наука допускаетъ возможность чуда!

И Беллокъ строитъ свой романъ на такомъ научно обоснованномъ чудѣ.

Всякому политическому дѣятелю, всякому образованному человѣку, да и намъ съ вами, извѣстно, что такое атомъ. «Мы ясно представляемъ себѣ протонъ, торжественно возсѣдающій по серединѣ и нѣсколько электроновъ, танцующихъ вокругъ него, какъ билліардные шары вокругъ купола Св. Павла. Такъ вотъ, если бы изъ группы этихъ частицъ намъ удалось вышибить два-три электрона, то одно вещество замѣнилось бы другимъ, напримѣръ, свинецъ, превратился бы въ золото».

Одному ученому химику въ Оксфордѣ попадаетъ въ руки таинственный камень, крупицы котораго достаточно, чтобы дѣлать золото.

Послѣ сатиры на науку идетъ сатира на общество и правительство. Лексингтонъ — такъ зовутъ оксфордскаго ученаго — становится центромъ борьбы человѣческихъ страстей. Коммерсанты, банкиры, политическіе вожди, обезумѣвъ отъ жадности и страха, пытаются овладѣть секретомъ.

«Золото! Золото! Но вѣдь это гибель Англіи, Европы, всего міра! Всѣ рынки парализованы. Во всѣхъ странахъ объявляется мораторій. Правительства падаютъ. Все рушится. И какой козырь въ руки большевиковъ». Къ счастью для человѣчества Лексингтонъ теряетъ свой «философскій камень». Министерства и международныя комиссіи успокаиваются. Въ Женевѣ, при Лигѣ Націй учреждается «Интернаціональное бюро контроля золотыхъ фондовъ».

ПОХВАЛА ОПІУМУ
Jean Cocteau. Opium.

Отравленный опіумомъ, **Жанъ Кокто** пробылъ около пяти мѣсяцевъ въ клиникѣ Сенъ-Клу. Изо дня въ день онъ записывалъ ощущенія выздоравливающаго отъ опіума и зарисовывалъ немногими, простыми линіями свой бредъ. Рисунки: анатомическія вскрытія живого тѣла: сорвана грудная клѣтка, разсѣчено горло, содрана кожа съ лица — обнажены сухожилія, мускулы; выворочены внутренности. И подпись: «описываемая боль».

Или контуры лица — изъ глазныхъ впадинъ на тонкихъ столбикахъ высовываются глаза — какъ у улитки: распростертыя тѣла, заломленныя руки, скорченныя ноги. Фигуры, составленныя изъ трубокъ, свитковъ, флейтъ. Точная, страшная запись пытки исцѣленія.

Дневникъ — наполовину прислушиваніе къ боли, которая «какъ громъ грохочетъ по жиламъ», наполовину — литература, театръ, тщеславіе, свѣтскія сплетни.

Де-Квинси геніально разсказалъ о видѣніяхъ, о горькомъ блаженствѣ опіума. Музыка, звучащая вдали, приближающаяся, заливающая міръ своимъ торжественнымъ громомъ — ослѣпительный свѣтъ, толпа, празднества Коронацій; прозрачныя озера, зеркальныя моря, океаны небеснаго сіянія.

Ж. Кокто, послѣ двѣнадцати сутокъ невыносимыхъ страданій, послѣ двухнедѣльной безсонницы заявляетъ.

«Не ждите отъ меня предательства. Опіумъ, конечно, — ни съ чѣмъ не сравнимъ; счастіе, которое онъ даетъ, выше здоровья. Ему я обязанъ самыми совершенными часами своей жизни».

Лечиться отъ отравленія — отречься отъ себя. Потому что опіумъ — не забвеніе и не наслажденіе. Это — форма духа, познаніе, радостное умираніе.

«Кто курилъ опіумъ, тотъ будетъ его курить». «Увѣщевать опіомана то же самое, что совѣтовать Тристану: «Убейте Изольду». Послѣ этого вы почувствуете себя значительно лучше».

Когда Кокто прислушивается къ своей болѣзни — онъ правдивъ и безжалостенъ. Ему не до стиля, не до остроумія. Онъ — человѣченъ. И глубоко волнуетъ.

Но — почти всегда это только видимость. Правдивость, человѣчность — пріемъ. Все идетъ на пользу одной литературѣ. Смерть — не вышла, вышла — книга.

«Выздоровѣвъ, я чувствую себя опустошеннымъ, блѣднымъ, больнымъ. Я полонъ отвращенія. Послѣ завтра я выхожу изъ клиники. Куда? Мнѣ такъ хотѣлось отсюда выйти. Но вмѣсто меня выходитъ книга. Какъ выражаются издатели: «выйдетъ въ ближайшее время». Книга — не я. Я могу сдохнуть, ей какое дѣло? Старый фарсъ вѣчно начинается сначала и вѣчно мы поддаемся все тому же обману».

О Франціи

«Какъ только великій народъ перестаетъ вѣрить въ то, что онъ — единственный носитель истины, какъ только онъ теряетъ вѣру въ то, что онъ одинъ призванъ, одинъ способенъ воскресить и спасти міръ своей истиной, онъ немедленно перестаетъ быть великимъ народомъ и становится просто географическимъ понятіемъ».

Такъ говоритъ Шатовъ у Достоевскаго.

Великая Франція долгіе вѣка своей исторической жизни вѣрила въ свою истину. Старшая сестра въ семьѣ европейскихъ народовъ, любимая дочь Христа, она католичество сдѣлала французскимъ, а свою культуру — міровой. Жанна д'Аркъ ведетъ за собой народъ, избранный Богомъ. «Воюющіе со святымъ королевствомъ Франціи — воюютъ съ королемъ Іисусомъ».

То же божественное провидѣніе, что и во времена Крестовыхъ походовъ: «Gesta Dei per Francos»: замыслы божіе, осуществленныя французами.

Революція 1789 года — освобожденіе міра. Въ этомъ ея смыслъ и сила. Все, что происходитъ во Франціи, расчитано на все человѣчество. Войска революціи несутъ добрую вѣсть всему міру. Не права француза, а «права человѣка и гражданина». Наполеонъ воплощаетъ идею всемірности; безъ нея онъ непонятенъ, безсмысленъ. «отнынѣ, заявляетъ онъ, подлинная сила французской республики должна заключаться въ томъ, чтобы всѣ идеи, возникающія въ мірѣ принадлежали ей».

Это — основа французскаго духа, его пафосъ.

Все великое, рождающееся въ Европѣ, должно быть французскимъ; подразумѣвается: существуетъ единое человѣчество, единая культура, на верхней ступени которой стоитъ Франція. Имперіализмъ духа! Іерархія цѣнностей, порядокъ, единство.

Викторъ Гюго посвящаетъ свой «Страшный годъ» — «Парижу, столицѣ народовъ».

И какъ ни бездушенъ былъ глупый XIX-тый вѣкъ, вѣра въ свою истину не покидала Францію. Она продолжала законодательствовать «urbi et orbi», она говорила, какъ власть имущая, то какъ намѣстница Христа, то какъ представительница «гуманизма», то какъ проповѣдница соціализма. Духовное владычество ея не поколебали ни Ренанъ, ни Контъ, ни Анатоль Франсъ. До міровой войны Франція — единая, признанная хранительница европейской культуры.

Но послѣ войны? По прежнему стоитъ ли Франція во главѣ человѣчества? Послѣ-военная французская литература отвѣчаетъ на это противорѣчиво. Несомнѣнно одно: она утратила свой «великій» стиль, свое единство. Она сомнѣвается, ищетъ оправданій, не вѣритъ. Тѣ, которые утверждаютъ, что ничего не измѣнилось, и что во Франціи — попрежнему благополучіе и благоустройство — все меньше пользуются вліяніемъ. Ихъ рѣчи о французскомъ духѣ, равновѣсномъ и разумномъ, кажутся отголосками прошлаго. У нихъ нѣтъ аудиторіи. Другіе же, молодые, «отчаявшіеся» — откровенно признаютъ, что живой духъ отлетѣлъ, что Франція «застыла въ своемъ совершенствѣ», замкнулась въ традиціяхъ.

Поль Моранъ, возвратившись на родину изъ Америки, противоставляетъ трогательный, старенькій, отсталый Парижъ, молодому, могучему современному Нью-Іорку. *Дріэ ля Рошелль* физически ощущаетъ умираніе Франціи: онъ задыхается среди музеевъ и развалинъ; живой человѣкъ, не романтикъ и не археологъ, долженъ бѣжать съ кладбища: «На землѣ пульсъ жизни бьется только въ двухъ мѣстахъ — въ Нью-Іоркѣ и Москвѣ».

Молодые писатели ищутъ новой всемірности, идеи, которая была бы дѣйствіемъ. Литература или исчезнетъ совсѣмъ, или перестроитъ міръ. Оставаться по прежнему безотвѣтственной она не можетъ. Ей необходимъ воинственный духъ, нравственная цѣль, жертвенность. Нео-католики и нео-коммунисты во Франціи твердятъ о перевоспитаніи людей. Лучше пропаганда, чѣмъ «искусство для искусства».

О гибели Европы заученными голосами повторяютъ всѣ репортеры. Это — воздухъ, въ которомъ мы живемъ. И каждый спасается, какъ можетъ. Въ католичествѣ, въ американизмѣ, въ коммунизмѣ. Спасаются, отталкиваясь отъ Франціи, какъ отъ стараго міра, обреченнаго на гибель. Бѣгутъ отъ нея, какъ съ тонущаго корабля. И пускаясь въ невѣдомый, быть можетъ, послѣдній путь, оборачиваются съ тоской —

Франція, самая прекрасная, самая сильная наша любовь.

К. Мочульскій.

СОВРЕМЕННЫЙ ІОВЪ

ЮЗЕФЪ РОТЪ. Іовъ. Исторія одного простого человѣка. Берлинъ. 1931.

Этотъ романъ изъ жизни русскихъ евреевъ, прославилъ молодого писателя. Стефанъ Цвейгъ восторженно называетъ его шедевромъ. Его оцѣнка едва ли преувеличена. І. Роту удается, не подражая и не стилизуя, передать возвышенный строй библейскаго разсказа объ Іовѣ. Его герой — Мендель Зингеръ, деревенскій учитель, бѣдный, простой человѣкъ, «самый обыкновенный еврей». Гдѣ то на Волыни, въ захолустномъ селѣ, богобоязненный, обиженный судьбой еврей начинаетъ свою тяжбу съ Богомъ. Его жалкое существованіе — тяжелый трудъ, семейныя бѣды, униженія, тревоги — изображены просто, немногими, важными словами. Мелочи быта, описаніе еврейскаго гетто, разговоры, событія, не отвлекаютъ насъ отъ главнаго, единственно значительнаго: спора Менделя съ «жестокимъ и несправедливымъ 'еговой. Какъ Іовъ, Мендель Зингеръ лишается всего: его старшій сынъ убитъ во Франціи во время великой войны, другой — пропадаетъ безъ вѣсти, жена — умираетъ, дочь сходитъ съ ума.

Кроткій Мендель возстаетъ на Бога: онъ разводитъ огонь и собирается сжечь свой завѣтный мѣшочекъ изъ краснаго бархата: свой молитвенники. «Но руки не повиновались ему: въ ихъ мускулахъ жилъ еще страхъ божій».

Открывается дверь и въ порядкѣ, установленномъ издавна, входятъ друзья Менделя.

Бесѣда ихъ — самое напряженное, самое высокое мѣсто въ романѣ. Мендель обвиняетъ Бога; не мудрствуя, не разсуждая, жалуется, какъ обиженный ребенокъ. И горечь его словъ пронзительна. «Всю мою жизнь я любилъ Тебя — и всегда Ты ненавидѣлъ меня».

Развязка мелодраматична: пріѣзжаетъ младшій сынъ Менделя, знаменитый музыкантъ, котораго всѣ считали давно погибшимъ. Іовъ примиряется съ Богомъ.

«И снова онъ будетъ молиться утромъ, днемъ и вечеромъ, листая свою растрепанную Библію, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ и приплясывая подъ звуки «аллилуйя».

ДОЧЬ РАСПУТИНА О СВОЕМЪ ОТЦѢ

Недавно, къ обширной литературѣ о Распутинѣ прибавилась маленькая, довольно любопытная книжка: «Романъ моей жизни», написанная **Маріей Распутиной**, дочерью старца.

Французская Академія могла бы выдать Маріи Распутиной премію «почитанія родительской памяти» за эту книжку.

Столько людей стыдились бы этого имени! Марія Григорьевна и не думаетъ краснѣть за него, она, наоборотъ, горда носить имя, получившее такую печальную извѣстность.

Она взялась за трудную задачу очистить память своего отца и доказать, что онъ могъ бы стать спасителемъ монархіи, если бъ только его послушались и если бы онъ не палъ жертвой гнуснаго убійства.

«Это былъ высокій мужчина, широкій въ плечахъ, одаренный необычайной физической силой, съ околдовывающимъ взглядомъ; его глаза, о смущающей пристальности которыхъ столько говорили, были подчеркнуты синевой».

Марія Распутина восхищается своимъ отцомъ. Въ этомъ чувствѣ нѣтъ ничего, напоминающаго Фрейда: дочь счастлива, напримѣръ, тѣмъ, что отецъ ея былъ окруженъ цѣлой свитой поклонницъ изъ высшаго свѣта. Кто говоритъ, что онъ былъ вульгаренъ, грубъ, развратенъ?

Ничего подобнаго. Это былъ простой, добрый, наивный человѣкъ, беспечный и бескорыстный. Онъ былъ вегетаріанецъ и только «очень полюбилъ вино, котораго не было у насъ въ Покровскомъ, особенно мадеру».

(Окончаніе см. стр. 14).

Леонидъ Леоновъ

Возвращеніе Копылева

Въ сумерки Мишка снова вышелъ на опушку и, забравшись на дерево, озиралъ родимыя мѣста. Вѣяло осенью съ заката, острые туманцы покачивались въ низинкахъ. Мишку знобило; былъ онъ босъ, а одѣтъ въ лохмотья, которыми надѣялся вымолить пощаду у мужиковъ. Деревня казалась неживой, но блѣялъ за стогами заблудшій баранъ и повизгивали въ дальней тишинѣ качели, а Мишкѣ слышался вдобавокъ и веселый дѣвичій смѣхъ. Даже изнеможеннаго бездомными ночами одолѣвали его любовные соблазны. Все мнилось ему, будто на весенней луговинѣ сходятся и расходятся дѣвичьи кадрили, а посреди красуется онъ самъ, первый кавалеръ въ округѣ. Сидя на деревѣ съ поджатыми ногами, Мишка густо покраснѣлъ отъ стыда за хламной свой видъ, въ которомъ судьба и зима пригоняли его на родину. Шла ночь, изъ лѣсу наползали тоска и страхи. Міръ предавался дремотѣ, великодушно предоставляя и Мишкѣ на ночлегъ его осклизлый сукъ.

Здѣсь выросъ Мишка, отсюда вскинуло его великимъ вѣтромъ, на житейскія вершины, и когда забунтовали здѣшніе мужики, сюда посланъ былъ Мишка на ихъ усмиреніе, какъ мужикъ по рожденью и знатокъ окрестныхъ мѣстъ. Румяный и статный, облеченный властью эпохи, подступилъ Мишка съ войскомъ къ родной деревнѣ. Мужики нагромоздили бороны на взъѣздахъ, зубьями вверхъ, но Мишка подпалилъ деревню и, взявъ на приступъ, усмирилъ ее своимъ, мужицкимъ способомъ. Согнавъ на сходъ покоренное ему племя, сподручный Мишкина завоеванья разъяснялъ мужикамъ суть наступающей нови, а Мишка, въ розовой рубахѣ и увешанный оружіемъ, важно сидѣлъ тутъ же, въ креслѣ, реквизированномъ у попа. Еще тлѣли головешки вчерашняго пожарища, и мужики покорно преклоняли головы передъ идеей, которую приносилъ имъ Мишка Копылевъ.

Недѣлю прогостилъ Мишка въ родной деревнѣ, куря сытные папиросы и страдая прыщомъ; войско слѣдовало примѣру военачальника. Иногда Мишка выходилъ гулять и шелъ внизъ, къ пруду, таща за собой на веревочкѣ пулеметъ: чутьемъ угадывалъ Мишка затаенную немирность мужиковъ. «Къ водопою собачку повелъ...» украдкой шутили мужики, но ни одна живая собака не смѣла облаять желѣзную собаку Мишки Копылева. Порой нападала на Мишку тревога передъ великимъ безмолвіемъ округи, и тогда, застигнувъ земляка на дорогѣ мытарилъ его тягучими разговорами. Такъ попался ему разъ бондарь Ермилъ Полушкинъ, мужикъ татарской видимости и сокрытнаго ума; какъ ни старался бондарь, не отвертѣлся отъ бесѣды съ могучимъ завоевателемъ.

— Долженъ ты понимать, гражданинъ, кто я есть. Я нонче въ зенитахъ, все могу. Могу завѣтную рощу сжечь, могу коней пострѣлять... все въ моей власти, Полушкинъ. Я васъ бью блага ради мужиковскаго, потому самъ я мужикъ. Человѣка не бить, такъ онъ забыть можетъ, что онъ человѣкъ. Понимаешь, отчего я говорю тебѣ все это?

— Убѣдительно вынуждаютъ понимать, — тряхнулъ плечами Полушкинъ.

— Что же ты понимаешь, отвѣть мнѣ своими словами! — важно приказалъ Мишка, удерживая собесѣдника за плечо.

— Боязно, Миша. Слово не стрѣла, а хуже стрѣлы, — вилялъ Ермилъ, косясь на бряцающую оружіемъ грудь Копылева. — Кричишь, пытаешь, Миша, а на себя кричишь... и получается въ тебѣ оттого сосаніе сердца. И невдоумокъ мнѣ: начальникъ ты, все можешь, а боишься, боишься меня, Миша!

— Уйди, отчадіе ада! — гнѣвно затопталъ Копылевъ, всклубляя сапогами пыль дороги.

Не изъ дурачества лютовалъ въ тѣ сроки Мишка, а отъ лениной прямолинейности ума и еще по крохотной причинѣ, невѣдомой міру. Еще въ предгеройскую пору, когда былъ только бабникомъ и озорникомъ, возникла въ его могучемъ тѣлѣ безпамятная любовь къ Аринкѣ Гусевой. Дѣвочка возрастомъ, она приманила грубую его силу нѣжной грустью, которую таила въ глазахъ. Студеныя озерки, весеннія чащи и прочія волнительныя чудеса отыскалъ въ нихъ Мишка, но она отвергла его ухаживанья и посмѣялась надъ угрозой. Въ поискахъ другого счастья покинулъ Мишка деревню, но удачи завлекли его въ глубь жизни, откуда онъ вернулся уже опаленнымъ пожарищами эпохи. Мечта объ Аринкѣ толкала его на бурныя самодурства, за которыя впослѣдствіи и выгнали его отовсюду, въ мірѣ не пригодилась глупая его сила...

Лишь теперь до него, посинѣлаго отъ стужи, поползла удушливая гарь давняго пожарища. Новыя избы бѣлѣли въ сумеркѣ, призывно свѣтились окна, но мнилось ему все это ловушкой, гдѣ, прикинувшись Аринкой, караулитъ его мужиковская месть. Ища пути къ богатству, онъ воровски оглянулся назадъ... Лѣсъ усмѣшливо молчалъ, замахивался руками, пугалъ, дразнилъ. Тогда, мыча и пыхтя отъ звѣринаго одиночества, Мишка спустился съ дерева; ноги его обожгла ледяная роса предзимья. Неохотно поднявъ съ земли суму и палку, суковатую палку странника, онъ безчувственной стопой шагнулъ впередъ, на деревню.

Онъ шелъ быстро, просырѣлыя лохмотья задымились паромъ. Всѣ чаще стоялъ въ неизвѣстности надоѣдный бараній плачъ. Перепрыгивая ледяныя грязи и длинные свѣтовые лучи отъ оконъ, Мишка бѣжалъ вдоль главнаго порядка домовъ, когда женскій голосъ изъ тьмы опросилъ его о пропащемъ баранѣ. Съ бѣсовской уверткой Мишка вильнулъ за случившуюся тутъ часовню, но наткнулся на женщину и замеръ, вцѣпившись въ ея рукавъ и сердцемъ учуявъ въ ней Аринку.

— Мишка, — тихо сказала она, безъ испуга или удивленія. — Ступай, ступай, откуда пришелъ. Тутъ изъ тебя жмурика сдѣлаютъ...

— Аринушка, — безстыдно и съ непонятной надеждой шепнулъ Мишка, переступая босыми ногами, — замужемъ ты аль еще въ дѣвкахъ бѣгаешь? Но она оттолкнула его и растаяла во тьмѣ, такой плотной, что было бы ее хоть рубанкомъ строгать.

Встрѣча внушила Мишкѣ бодрость: Аринка помнила его, не прокляла, не ужаснулась, даже пожалѣла безпутную его долю. Забывъ про опасность, въ домъ свой онъ ломился всѣмъ тѣломъ, просившимъ тепла и отдохновенія. Сооруженье прадѣда, домъ былъ мраченъ и простореніе. Мишкѣ отперъ глухонѣмой его братъ и сразу затрясся, замычалъ, выражая бурное свое удовольствіе.

— Ну — ну, развалишься отъ радости. Корми старшака-то! — неестественно захохоталъ Мишка и вбѣжалъ въ избу.

Нежилымъ запахомъ дерева и сухой малины встрѣтилъ его домъ отцовъ, но лежалъ на всемъ отпечатокъ какъ бы бабьей руки. Вымытый полъ простеленъ былъ половикомъ, печь выбѣлена, горшки въ солдатскомъ порядкѣ и опрятности стояли на полкахъ, а на стѣнѣ торчалъ въ трехъ гвоздяхъ осколокъ облезшаго зеркала, «Сидитъ одинъ, какъ рѣдька, дѣлать ему нечего, вотъ и старается», подумалъ Мишка про глухонѣмого, который суетился, готовя брату ѣду и сухую одежду, и даже, въ порывѣ усердія, вытеръ мѣсто на лавкѣ картузомъ. Нешумный и покорный своему безцвѣтному жребію, онъ не обижался на молчаніе вернувшагося хозяина, который торопливо примѣрялъ на себя его простиранныя рубахи. Мишка былъ крупнѣе тѣломъ, и рубахи глухонѣмого лопались на немъ, какъ бумажныя.

Сидя спиной къ окну, Мишка жадно пожиралъ печеную картошку, и повеселѣвшее его сердце почти примирилось съ предстоящею участью. Мирская кара нагрянетъ не прежде утра, а пока впереди ждали теплыя нары и крѣпчайшій сонъ. Разъ попавъ въ западню, Мишка вдосталь лакомился чудесною ея приманкою. Валенки согрѣли ноги и кровь пламенно вливалась въ опухшія щеки. Вытянувъ ноги, онъ домовитымъ окомъ озиралъ внутренность избы и не особенно огорчался ни разлохмаченной паклей въ стѣнахъ, ни провисшимъ поломъ. Окрѣпшее отъ ѣды и тепла тѣло уже теперь гребовало труда, но онъ справился съ собой и усидѣлъ на мѣстѣ, поборовъ кстати и сладкую дремоту. Предчувствіе сна было ему слаще самого сна.

Вмѣсто того, поднявъ сумку съ пола, онъ сталъ разбирать вещи, трофеи своихъ завоеваній: кусокъ сахару, пару ветхаго бѣлья, неизвѣстную копѣйку и бритву, утонувшую въ размякшей краюхѣ хлѣба. Бритва была вполовину сточена, но острая и безъ недостатковъ; бритва была драгоцѣнностью въ деревнѣ; бритву Мишка вытеръ о штаны и положилъ на столъ. Вдругъ необоримое желаніе побриться возникло въ немъ. Натеревъ мыломъ щеки и пальцемъ разведя на нихъ сѣрую пѣну, Мишка приступилъ къ дѣлу передъ зеркаломъ, снятымъ со стѣны. Глухонѣмой съ восхищеніемъ дикаря наблюдалъ за братомъ и тянулся потрогать невиданную вещь.

— Это бритва, понимаешь?.. Во, были щеки въ волосахъ, а теперь, эвось, ровно коленка у дѣвки. Это еще что! Вотъ въ городѣ у меня бритва была, востра, конца даже и не видать... еще и въ руки не бралъ, а ужъ порѣзался! — Онъ покосился на глухонѣмого, который восхищенно чмокалъ губами, уставясь въ Мишкинъ ротъ. — Потерялъ я, братъ, тую бритву... все потерялъ. Но ты не гляди, что я въ нищемъ образѣ вернулся: это я нарочно пугало огородное ограбилъ! Смекай мою хитрость, дурачина, уважай за столичность, я все могу!

Однако, предупрежденный мычаніемъ глухонѣмого, Мишка обернулся къ одну и тотчасъ въ испаринѣ отпрянулъ въ уголъ: въ окнѣ, дѣловитое и съ приплюснутымъ носомъ, мерцало лицо Ермила Полушкина. Такъ прошла минута, потомъ глухонѣмой задернулъ занавѣску и побѣжалъ посмотрѣть на крыльцо. Тревога была напрасна: деревенскій мракъ плотенъ, а сонъ нерушимъ. Завернувъ бритву въ тряпочку и положивъ подъ образа, Мишка привернулъ лампу и сталъ укладываться на ночь. Онъ долго лежалъ безъ сна, слушая вздохи глухонѣмого и пугаясь потрескиваній въ подпольи: больше всего онъ боялся, что его застанутъ во снѣ. Потомъ стало представляться: на обугленномъ пепелищѣ сидитъ кошка и глядитъ въ Мишку щуркимъ глазкомъ. Мишка перевернулся на животъ и уснулъ сразу, какъ дитя.

На разсвѣтѣ состоялся деревенскій сходъ, и утромъ мужики пришли за Мишкой. Глухонѣмой топилъ печь, густой огонь лизалъ котелокъ въ печи, когда вошли мужики. Они принесли съ собой уличный холодъ и заслѣдили вымытый полъ: ночью выпалъ первый, непрочный снѣжокъ. Мишка лежалъ на лавкѣ, головой подъ образа, накрытый простынею и со сложенными на груди руками; въ головахъ у него горѣла страстная свѣча. Мужики переглянулись и подошли ближе. Двое, друзья, Анфимъ Фіонинъ да Левакъ Петровъ, выдвинулись впередъ изъ толпы.

— Никакъ померъ? — сказалъ Фіонинъ.

— Дышитъ, — усмѣхнулся Левакъ.

— Ишь ты, якобы мертвъ лежитъ! — продолжалъ Фіонинъ.

— Въ покойника прячется, — презрительно откликнулся Лѣвакъ.

Тогда Полушкинъ раздвинулъ сборище, беря власть на себя.

— Погодите, гражданы, сказалъ онъ важно. — Мертвый не живой, мертвый простыхъ словъ не слышитъ... и навѣрно надо свѣчу задуть, еще пожара надѣлаетъ! — Онъ значительно снялъ шапку. — Миша, успѣешь помереть! Отмолви хоть словечко землякамъ, эку рань для тебя поднялись. Молчитъ... Слушай, злобы въ насъ нѣтъ, а порѣшилъ тебя міръ убить за твои грѣхи. Помолись, дружокъ! — прокричалъ онъ въ самое ухо Копылева, но тотъ не отзывался. — Дай сюда иголку, сухо приказалъ онъ глухонѣмому и тутъ же, приподнявъ безжизненную Мишкину руку, медленно погрузилъ иглу въ мякоть ладони. — Видали вы, гражданы, чтобъ изъ покойника кровь текла? — вопросилъ онъ, беря каплю на палецъ и показывая молчащему миру.

Мужики зашумѣли и заволновались; румянецъ явно выдавалъ страшное Мишкино притворство, но самъ онъ былъ мертвъ и не откликался ни на боль, ни на бранное слово, а убивать мертваго ни у кого не подымалась рука. Мишку толкали, щекотали, прижигали огнемъ, и уже смрадная гарь распространялась отъ обожженнаго пальца, — Мишка лежалъ торжественно и недвижно, лишь беззащитностью своею сопротивляясь темному гнѣву мстителей. Въ углу тихонько вылъ глухонѣмой, а изъ котелка выкипала ѣда.

— Чего жъ парня портить зря! Рука ему нужна, рукой ему работать надо, — сказалъ тутъ Матвѣй Гусевъ, отецъ Аринки, отстраняя смущеннаго Полушкина. — Намъ его убить запрету не положено. — Онъ былъ правъ: никто въ мірѣ не вѣдалъ, что Мишка возвратился изъ дальнихъ странствій на родину. — Да мертваго убивать не слѣдъ, мертвый — прощеный. Мертвому неколи въ нашу игру играть! А зовите сюда, мужички, Зотей Васильича.

Миръ зашумѣлъ опять, но уже развеселясь затѣей Матвѣя Гусева. Кромѣ славы великаго знахаря, слылъ Зотей Васильичъ замѣчательнымъ разсказчикомъ въ округѣ, и когда на сходахъ доходило слово до Зотея, хохоталъ до упаду міръ. Сѣденькому и въ оловянныхъ очкахъ смѣхотвору этому вѣдомо было высокое таинство смѣха не хуже, чѣмъ заговорное его могущество. Распутицы на полмѣсяца останавливали мужиковское бытье, и оттого вдоволь было временами потѣшиться надъ отступникомъ.

Зотей Васильичъ вошелъ мелконькимъ шажкомъ и, покрестившись на образа, сѣлъ у Миш-

кина изголовья. Наскоро ему объяснили надобность, и онъ лукаво улыбнулся на мертвенное Мишкино спокойствіе.

— Зря тебѣ ноне, Миша, псалтыря читать, а лучше послушай, Миша, сказочку... мракъ свой могильный повесели! — ласково началъ Зотей, и хотя ничего покуда не было сказано смѣшного, разразились мужики хохотомъ на Зотѣево вступленье. — Жилъ на скушномъ, неподрушномъ этомъ свѣтѣ единый дуракъ и пошелъ со скуки къ попу на исповѣдь. Попъ и спрашиваетъ: сладкимъ не грѣшилъ ли? — На твоей, отвѣчаетъ, батюшка, на пасѣкѣ! — Та-акъ, а бабой, дескать, не сквернился ли? — На твоей, отвѣчаетъ, батюшка, на матушкѣ...

Дальше ничего стало не разобрать. Кто гдѣ, а иные, присѣвъ на полъ, предавались полномѣрному веселью. Лай, сикъ, трескъ и грохотъ наполнили избу: тяжко мужиковское веселіе, какъ тяжекъ мужиковскій трудъ. Даже самъ Матвѣй Гусевъ, староверскаго корени старикъ, держался за животъ, мелко взрыдывая отъ смѣшливаго удушья, а другіе и того хуже. Лишь одинъ глухонѣмой пугливо взиралъ съ полатей на пытку смѣхомъ, самую опасную для смѣшливого Мишки. Но тотъ лежалъ въ прежнемъ гробовомъ уединеніи, молчаніемъ посрамляя Зотѣево мастерство.

Вдругъ Зотей обиженно смолкъ, разомъ прекращая бѣшенство смѣха, вселившееся въ мужиковъ.

— Пощекотить бы его, — молвилъ онъ, озабоченно качая головой.

— Щекотали ужъ, дядя Зотей! — хоромъ пожаловались мужики. — Хочь голову отверни, не прочнется. На тебя всю надежду возлагаемъ.

— Дайте конскій голосокъ тогда, — сумрачно повелѣлъ Зотей и, когда повелѣніе его исполнили, засунулъ гибкій волосъ въ Мишкинъ носъ, дѣловито присматриваясь къ лицу испытуемаго.

Онъ вертѣлъ орудіемъ своимъ всяко, волосокъ свирѣпо танцовалъ внутри; лицо Мишкино побагровѣло, и судорога воли сузила набухшія губы, но самъ онъ не шевельнулся, отдаваясь полностью на горькую милость мира.

— Оборотень! — сознаваясь въ своемъ безсильи, опредѣлилъ Зотей и поднялся уходить. Хватало ему дѣлъ и безъ Мишки: заговаривалъ Зотей порѣзы, заколы и запаленныхъ лошадей.

Мужики ушли, котерявъ на этотъ разъ надежду пробудить Мишку отъ смерти ложной къ смерти истинной. Но на другія сутки, въ полдень, они пришли опять, хотя и въ меньшемъ количествѣ, пришли негаданно. Мишка снова лежалъ подъ образами и въ головахъ у него зловѣщая пылала свѣча. Кто-то замѣтилъ, что на мертвецѣ новая была рубаха, и это разъярило мужиковъ. Мишку за волосы потащили къ колодцу и, бросивъ подъ колоду, поливали осеннею, съ ледянымъ хрящикомъ водою. Ничемъ, однако, было не вызвать Мишку изъ могильнаго его оцѣпенѣнія; плюнувъ на злодѣя, мстители разбрелись по домамъ. Подъ колодцемъ пролежалъ Мишка до сумерекъ, а въ сумерки пропалъ, и когда зашелъ провѣдать мертвеца Ермилъ Полушкинъ со товарищи, нашелъ его уже сухого, на лавкѣ, съ тою же свѣчою въ головахъ. Присѣвъ рядкомъ, Полушкинъ долго и горестно выговаривалъ Мишкѣ его нечестность въ игрѣ, но уже не посмѣлъ отнять у мертвеца обрядную его свѣчу.

— Не ждали мы отъ тебя подобнаго злодѣйства, Миша! Полдеревни по вѣтру пустилъ, старшинѣ два пальца отрубилъ въ допросѣ, а нонѣ дитемъ прикидываешься, безсовѣстный. Эка сѣрость твоя, Миша!.. Утѣшь сердце, хошь побить себя дайся.

Такъ цѣлую недѣлю, но все въ меньшемъ числѣ, приходили мужики удостовѣряться въ Мишкиной кончинѣ, а тотъ все лежалъ, непѣтый, безладанный. Привѣчали мужики, что въ промежуткахъ между посѣщеніями все новѣе выглядитъ внутренность избы, а однажды, придя невзначай, застали въ избѣ плотницкій верстакъ и свѣжія стружки, но самъ то плотникъ лежалъ покойникомъ. Мужики качали головой и уходили, вконецъ обиженные Мишкинымъ небреженіемъ къ мірскому гнѣву. Глухонѣмой надрывно скулилъ въ уголку, плохо подаваясь на разспросы: мертваго бить совѣстно, а дурака и грѣшно. Наконецъ, наскучивъ злодѣевой судьбой, цѣлую недѣлю никто не нарушалъ Мишкиныхъ трудовъ по дому. Только ввалился разъ въ одиночку пьяный Полушкинъ и въ послѣдній разъ увѣщевалъ предлежащаго однодеревенца.

— Неправильно играешь, плутуешь, Миша. Запилъ я изъ-за тебя, во. Лежишь? Ну, лежи, злодѣй, до второго пришествія! — плакался бондарь, мелко постукивая кулакомъ по Мишкиной груди, какъ по кадкѣ.

Мишку забывали, но еще не разрѣшали отъ грѣха; показаться ему на улицу значило пойти на безвременную гибель, да и дома приходилось быть настороже. Какъ бы то ни было, Мишка суновилъ домъ, перестелилъ полъ и вообще сущестовалъ полнымъ мужицкимъ бытомъ; даже прошелъ слухъ, что онъ видается съ Аринкой Гусевой въ кончательное посмѣяніе мірского гнѣва. И правда: еще черезъ недѣлю почуялъ себя Мишка въ правѣ и въ баню сходить. Баня стояла на задворкахъ, густо заросшая вишенникомъ.

Тонкій снѣжокъ пропорошилъ въ этотъ день округу, и паръ въ банѣ, стараніями глухонѣмого, вышелъ на славу. Ужъ полчаса хлестался Мишка вѣникомъ и уже выпарился какъ морковка, а все не могъ отстать; слѣзала съ него слоями многолѣтняя кожура. Какъ бы молодая березка распускалась надъ головой, а душистыя ее корни сидѣли глубоко въ легкихъ, щекоча кровь и дыханіе. Тутъ пожелалъ Мишка окатиться ледяной водой для здоровья, но вода нагрѣлась въ ушатѣ, да и не хватило бы ее на полное Мишкино удовольствіе. Какъ былъ, голышомъ, Мишка выскочилъ съ ведромъ на огородъ, къ колодцу, но вдругъ тишина кругомъ зашевелилась мужиками. Отовсюду протянулись къ нему черные, корявые руки, и Мишка покорно откинулъ въ сторону ведро. Десятки рукъ жадно держали его за руки, за плечи и даже за голову. Тутъ же накинули на него тулупъ и повели въ избу къ Фіонину, гдѣ заранѣе собранъ былъ сходъ для рѣшенія его участи.

— Какъ же ты слѣдовъ-то нашихъ на снѣгу не примѣтилъ? Ишь, утоптали, — воодушевленно шутилъ Полушкинъ, ведя добычу свою подъ руку.

— Да ужъ больно паръ-то хорошъ. Эко, прямо садъ райскій, а не баня! — отвѣчалъ Мишка, безстрашно шагая къ казни.

— Баня первый сортъ, — охотно соглашались изъ толпы, слѣдовавшей сзади.

Невиданное оживленіе охватило деревню; бабы галдѣли подъ окнами, малые ребята рвались во-внутрь. Злодѣя провели въ избу и двери замкнули на засовъ. Воздухъ былъ спертый, а запахъ густой, чернохлѣбный. Впереди сѣли старики, но какъ-то вышло, что еще ближе оказались молодые. Мишку помѣстили у печки; онъ дрожалъ отъ холода и все натаскивалъ на распаренное плечо сползающій тулупъ, на которомъ еще висѣлъ замерзшій бабій плевокъ.

— Трясется Миша отъ предчувствія, — сказалъ между прочимъ одинъ мужикъ, вертя цыгарку и кивая на обреченнаго.

— Ежели кто когда вздрогнетъ невзначай, это значитъ — по могилѣ его прошли! — отозвались отъ двери.

Тутъ Мишка приподнялся, прикрывая конфузно срамъ отъ стариковъ.

— Убивайте, коли насолилъ... а не то дайте хоть одѣться, дьяволы: всяка жилочка во мнѣ продрогла! — крикнулъ онъ, но Анфимъ Фіонинъ да Лѣвакъ Петровъ молчаливо усадили его на отведенное мѣсто, и тогда выдвинулся впередъ Матвѣй Гусевъ, единодушно выбранный за почетность въ обвинители.

— Не тормошись, а сиди, славь бога въ дудочку! Дѣло къ вечеру, а съ утра иныя дѣла ждутъ. Нонче и рѣшимъ твою судьбу, — кивнулъ ему Матвѣй и оглядѣлся на міръ, который съ одобрѣніемъ внималъ ему. — Самъ мужикъ, мужикорожденный, можно сказать, на мужика пошелъ: измѣнщика порѣшилъ тогда покончить міръ. Нагрѣшилъ и сбѣжалъ, а земля-то и притянула злодѣя... крѣпчай магнита дѣйствуетъ земля-то! А только и смертью, полагаю, неразумно злодѣя учить. Парень крѣпкій, устойчивый, нашъ... Чего жъ губить за ребячій разумъ: муравей, и тотъ своей кучи не рушитъ... Слѣдуетъ намъ, мужики, поучить его тѣлесно!

— Меня нельзя... я Георгія имѣю, — съ дрожью въ голосѣ возразилъ Мишка, но мужики только разсмѣялись.

— Экъ ты, человѣчинка съ вѣтеркомъ! Мы Георгія-то съ тебя сымемъ, и станешь ты обнакновенный мужикъ. Ну-ка, крестись да раскладывайся.

Полушкинъ сдернулъ на полъ тулупъ съ Мишки и легонько толкнулъ на скамью, а бабы и ребята подавали въ окна старую крапиву, сѣдую отъ инѣя, мѣлколистую, самую злую. Ломалась промороженная трава, и тогда сбѣгалъ Полушкинъ за вожжами. Однако, прежде чѣмъ дать знакъ къ началу порки, онъ суетливо потрепалъ рукой Мишкино мясо, оставляя на немъ ржавый слѣдъ бондарской руки.

— Крой, Ванька, бога нѣтъ! — отрывно крикнулъ онъ потомъ, отступая въ сторону и хмуро стискивая зубы къ предстоящей забавѣ.

Тѣ же самые, Анфимъ Фіонинъ и Лѣвакъ Петровъ, друзья, со рвеніемъ выполняли мірскую волю. Хитрый Фіонинъ дѣйствовалъ въ сласть и на оттяжку, а простодушный Лѣвакъ рубилъ своей вожжей, какъ дуракъ цѣпомъ. Безъ стона и брани, а вначалѣ даже посмѣиваясь, принималъ Мишка присужденное наказаніе; потомъ онъ замолчалъ, лишь пристальнѣе упершись взглядомъ въ одну точку. Только въ одномъ мѣстѣ, когда начинала синѣть спина, сталъ онъ, было, покряхтывать, но закусилъ губу, и тотчасъ же черная обнаружилась на подбородкѣ кровь: остаткомъ сознанія понялъ онъ, что въ толпѣ бабъ за окномъ могла находиться и Аринка. Веселые вначалѣ восклицанія мужиковъ теперь прекратились совсѣмъ, уступивъ мѣсто мѣрному визгу вожжей; молча насупивъ лица и блестя зубами, слѣдили мужики за происходящимъ дѣйствіемъ.

— Эко молодецкое тѣло, что переживаетъ! — похвалилъ, наконецъ, одинъ и нагнулся посмотрѣть въ упавшее Мишкино лицо.

Подернутые пленкой безчувствія, медленно закрывались злодѣевы глаза, точно клонило ихъ въ непробудный сонъ, но на раскусанныхъ губахъ мертвенная лежала усмѣшка. Тогда Гусевъ остановилъ наказаніе, а палачи вытерли рукавами потъ съ лица. Разжавъ ножомъ оскаленные Мишкины зубы, Полушкинъ бережно вылилъ туда полчашки самогона. Затѣмъ Мишку осторожно переложили на тупулъ и четверо понесли его домой. Одновременно вызванъ былъ изъ своей закутки Зотей Васильичъ лѣчить исполосованное тѣло Мишки Копылева.

Какъ недѣлю назадъ, но уже на животѣ и глухо вздрагивая отъ предсмертной икоты, Мишка лежалъ у себя на лавкѣ, и чадная свѣча надъ нимъ имѣла теперь свой истинный, ужасный смыслъ. На столѣ возлѣ Мишки стояли травные Зотѣевы снадобья и щедрые дары деревни: сметана въ крынкахъ, пироги съ грибами, холстъ и темный самогонъ въ бутыли. Къ ночи прибѣжала Аринка и, не взирая на присутствіе знахаря, плакала и гладила Мишкины волосы, слипшіеся въ смертномъ поту. Поверженный и усмиренный, онъ сталъ ей ближе теперь, чѣмъ въ пору лютаго своего владычества надъ округой: теперь она его любила и почти недѣвической лаской призывала изъ грознаго его оцѣпенѣнія. Потомъ она замолкла, незамужняя вдова Аринка, и такъ, дикая и растрепанная, сидѣла до самаго прихода отца.

Гусевъ пришелъ съ мужиками; они вошли тихо, шикая другъ на друга и снимая шапки еще до порога. На широкоскулой харѣ Полушкина отпечатлѣнъ былъ давешній испугъ. Виновато топчась у порога, они спросили Зотея о Мишкиномъ здоровьи.

— Отлежится! — отвѣтствовалъ знахарь, привыкшій и не къ такому. — Главное, жилы въ цѣлости.

Подойдя ближе, Гусевъ приподнялъ со спины Копылева мокрую простыню и тотчасъ же опустилъ, почти выронилъ ее на прежнее мѣсто.

— Обняла бы женишка-то своего, — смущенно сказалъ онъ дочери, косясь на Зотея, мѣшавшаго въ плошкахъ цвѣтныя снадобья.

— Нешто не обнимала! — сурово сказала та, кладя руку на Мишку и какъ бы берясь защищать его теперь противъ всего міра. Мужики поспѣшили уйти, струсивъ Аринкина взгляда.

Трудно борясь со смертью, двѣ недѣли пролежалъ Копылевъ пластомъ, а по минованіи срока всталъ и, на глазахъ у всей деревни, съ вилами и топоромъ полезъ на домъ перекрывать крышу. Проходя мимо, мужики снимали шапки и торопились уйти. Остановиться передъ Мишкиной избой посмѣлъ одинъ только Ермилъ Полушкинъ.

— Какъ попрыгиваешь, дружокъ? — закричалъ онъ наверхъ, виновато усмѣхаясь.

— Да эвось... песьякъ на глазу скочилъ! — отвѣчалъ Мишка, наколачивая топоромъ новую тесину на конекъ и не прерывая работы.

— Песьякъ-то хорошо навозцемъ смазать альбо на узелокъ!

— Пройдетъ и такъ, — отмахнулся Мишка, показывая, что послѣ пережитаго песьячный чирій ему только въ удовольствіе.

Все не уходилъ Полушкинъ, все мялся внизу да теребилъ рваную шапку въ рукахъ.

— Ожениться надумалъ, Миша? Дѣло правильное, мужицкое дѣло. Что жъ, Гусевъ — родъ значительный! Да и дѣвочка налимиста, статна то-исть. Надо теперь хозяйствомъ тебѣ обзаводиться.. у насъ пудовъ за десять неплохую телочку укупишь. Сиротой ты къ намъ вернялся, а, вишь, какъ бы и усыновили злодѣя. Дороже сына ты намъ теперь, пра...

— Ладно, заходи сутемень, угощу! — посмѣялся Мишка, отмахиваясь отъ удовлетвореннаго бондаря.

Приклепавъ боковую тесину, Мишка усѣлся верхомъ на высокій конекъ кровли и озиралъ окрестныя мѣста. Денекъ выпалъ знойкій, пасмурный, рѣдкія снѣжины опять летали на зыбучую, распутную грязь, но Мишкѣ сладостно было сидѣть тутъ, на юру, возиться съ непослушной, духовитой соломой, уставать, дышать, жить. Впереди ждала его свадьба, труды и простецкое мужицкое счастье. Все взглядывался онъ въ дальнюю опушку, ища дозорной своей березы, но даже и дороги не различалъ затуманенный его взглядъ; сумерки быстро струились изъ просырѣвшихъ полей.

Внизу говорливой стайкой пробѣжали къ качелямъ дѣвки, и одна чаще остальныхъ взглядывала на приправленную Мишкину кровлю, подъ которой предстояло ей жить.

— Эй, куклы! — заоралъ вдругъ Мишка, наливаясь кровью, и самъ вздрогнулъ отъ неожиданнаго своего крика; даже зачесались въ спинѣ незажившія царапины. — Погодите, я васъ самъ покачаю. Вотъ онъ я, Мишка Копылевъ... все могу! — И не договоривъ до конца о своихъ возможностяхъ, сталъ поспѣшно спускаться на землю, къ глухонѣмому, который грустно и одиноко смотрѣлъ снизу на его непонятное веселье.

СОММЕРСЕТЪ МОХЭМЪ

ГОНОЛУЛУ

Мудрецъ путешествуетъ лишь въ собственномъ воображеніи. Одинъ старый французъ (онъ былъ родомъ изъ Савойи) написалъ нѣкогда книгу подъ названіемъ «Путешествіе вокругъ моей комнаты». Я ее не читалъ и понятія не имѣю, что это за книга, но ее заглавіе мозбуждаетъ мое любопытство. Я могъ бы такъ объѣхать весь земной шаръ. Икона надъ каминомъ можетъ увлечь меня въ Россію, съ ее березовыми лѣсами и куполами бѣлыхъ церквей. Какъ широка Волга! А въ концѣ села, сидятъ и пьютъ въ кабакѣ бородатые мужики въ бараньихъ тулупахъ. Я стою на холмѣ, съ котораго впервые Наполеонъ увидѣлъ Москву, и охватываю взглядомъ всю ширь и громаду города. Сейчасъ я спущусь внизъ, и окажусь среди людей, которыхъ я знаю лучше, нежели моихъ близкихъ друзей: Алеша, Вронскій, десятки другихъ.

Но вотъ мой взоръ падаетъ на фарфоровую чашку, и я вдыхаю острые запахи Китая. Я покачиваюсь на носилкахъ, узкая тропинка вьется между рисовыхъ полей или же по лѣсистой горѣ. Носильщики весело болтаютъ, свѣжее утро — радостно, и время отъ времени я слышу далекій и таинственный звонъ колокола. Пестрая толпа волнуется на улицахъ Пекина, разступаясь, чтобы дать дорогу каравану верблюдовъ: мягко ступающія животныя несутъ на своихъ горбахъ шкуры и странныя зелья изъ каменистыхъ пустынь Монголіи.

Въ Англіи, въ Лондонѣ зимою бываютъ дни, когда низкія и тяжелыя облака закрываютъ небо, и свѣтъ такъ холоденъ и угрюмъ, что на душѣ становится смутно: но тогда надо посмотрѣть въ окно и увидать кокосовыя деревья, толпою сбѣгающія къ берегу коралловаго острова. Песокъ — точно серебряный, и въ часъ заката блескъ его невыносимъ для глазъ. Райскія птицы щебечутъ надъ головою — «ту», «ду», а пѣна волнъ непрестанно разбивается о стѣну рифа.

Эти путешествія у камина — самыя лучшія путешествія, потому что во время нихъ не теряешь иллюзій.

Есть люди, которые сыпятъ соль въ кофе. Они говорятъ, что кофе пріобрѣтаетъ отъ этого особый, плѣнительный привкусъ. И точно также есть мѣста, которыя овѣяны романтическимъ ореоломъ и которымъ разочарованіе, неизбѣжное при ихъ посѣщеніи, придаетъ исключительную остроту. Вы надѣялись увидѣть нѣчто замѣчательно красивое, — но то впечатлѣніе, которое вы испытали, гораздо болѣе сложно, нежели то, какое могла бы дать вамъ красота. Это похоже на какую нибудь слабость въ характерѣ великаго человѣка: она дѣлаетъ его менѣе достойнымъ восхищенія, но несомнѣнно болѣе интереснымъ.

Гонолулу обмануло всѣ мои ожиданія. Оно такъ далеко отъ Европы, туда пріѣзжаешь послѣ такого долгаго путешествія изъ Санъ Франциско, его имя связано съ такими странными и очаровательными представленіями, что я едва повѣрилъ своимъ глазамъ, когда очутился въ немъ. Я не могу сказать, былъ ли у меня совершенно опредѣленный образъ того, что я ожидалъ тамъ встрѣтить, но дѣйствительность сильно поразила меня. Я увидалъ типичный западный городъ. Рядомъ съ лачугами, тамъ возвышаются каменные дворцы, подлѣ деревянныхъ домишекъ, сверкаютъ зеркальныя окна элегантныхъ магазиновъ, шумные трамваи проносятся по улицамъ, и у троттуара въ рядъ выстраиваются автомобили — Форды, Бьюки, Пакарды. Магазины полны всѣми издѣліями американской промышленности. Въ каждомъ третьемъ домѣ банкъ, а въ каждомъ пятомъ — пароходное агентство.

Невообразимо пестрая толпа наполняетъ улицы Гонолулу. Американцы, не обращая вниманія на жару, выступаютъ въ черныхъ костюмахъ, и высокихъ крахмальныхъ воротничкахъ, а на головахъ у нихъ — соломенныя и фетровыя шляпы и котелки. Курчавые, свѣтло коричневые канаки одѣты въ рубашку и штаны, а мулаты щеголяютъ яркими галстуками и патентованными кожаными сапогами. На почтительно улыбающихся, чистенькихъ японцахъ — бѣлые полотняные костюмы: за мужьями, на разстояніи двухъ трехъ шаговъ, слѣдуютъ жены въ національныхъ одеждахъ, съ ребятами за спиной. Японскія дѣти въ яркихъ цвѣтныхъ платьяхъ, съ бритыми головами, похожи на причудливыхъ куколъ. Затѣмъ проходятъ китайцы. Толстые и богатые мужчины странно выглядятъ въ платьѣ американскаго покроя, но женщины очаровательны: ихъ волосы заплетены такъ туго и такъ старательно, что, кажется, будто нельзя никакъ разрушить это сложное сооруженіе, и онѣ выглядятъ очень чистыми въ своихъ кофтахъ и бѣлыхъ, свѣтло голубыхъ или черныхъ штанахъ. А кромѣ того, есть еще и филипинцы — мужчины въ огромныхъ соломенныхъ шляпахъ, женщины въ платьяхъ изъ ярко желтаго муслина съ пышными рукавами.

Здѣсь мѣсто встрѣчи Востока и Запада. Тутъ новое сталкивается съ безконечной древностью. Пусть здѣсь нѣтъ того романтизма, который ожидалъ встрѣтить: зато здѣсь видишь нѣчто странное и интригующее. Всѣ эти народы живутъ вмѣстѣ, бокъ о бокъ. У нихъ разные языки и разныя мысли. Они вѣруютъ въ различныхъ боговъ, и у нихъ неодинаковыя понятія о цѣнностяхъ. Общія у нихъ только двѣ страсти: любовь и голодъ. И еще одно: наблюдая всю эту толпу, ощущаешь ее необыкновенную жизненную силу. Небо сине, воздухъ мягокъ, — но какая то жаркая струя дыханія пробѣгаетъ по этой массѣ людей. Туземный полисменъ, стоящій на возвышеніи и управляющій автомобилями при помощи своей бѣлой палочки, придаетъ всему очень почтенный видъ, но чувствуется, что почтенность и благополучіе разлиты лишь по поверхности: а чуть пониже — темнота и тайна. Это ощущеніе пронизываетъ васъ сладостнымъ страхомъ: такъ, ночью, въ лѣсу, молчаніе внезапно прерывается глухими и настойчивыми ударами барабана. Все время ждешь чего то, — самъ не зная чего.

Я такъ подробно останавливаюсь на этихъ чертахъ Гонолулу, ибо, на мой взглядъ, именно они и опредѣляютъ то, что я хочу разсказать. Мое повѣствованіе будетъ о примитивныхъ суевѣріяхъ: поразительно, что они еще живутъ въ эпоху, которая отличается, если не добродѣтелью, то во всякомъ случаѣ утонченностью и сложностью. Я никакъ не могу примириться съ тѣмъ, что подобные случаи могутъ произойти и даже быть вообще мыслимы въ нашемъ мірѣ телефоновъ, трамваевъ и ежедневныхъ газетъ. И въ пріятелѣ, показавшемъ мнѣ Гонолулу, я встрѣтилъ то же несоотвѣтствіе, которое является характерной чертой этого города.

Онъ былъ американцемъ, звали его Винтеръ, и у меня было къ нему рекомендательное письмо отъ нашего общаго нью-іоркскаго знакомаго. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ съ рѣдкими черными волосами, сѣдѣющими на вискахъ, съ худымъ и рѣзко очерченнымъ лицомъ. Его глаза точно подмигивали, а роговыя очки придавали ему забавную чинность. Онъ былъ высокаго роста и очень худъ. Онъ родился на Гонолулу, гдѣ у его отца былъ большой магазинъ, въ которомъ продавались чулки, и всѣ тѣ вещи, начиная отъ тениссныхъ ракетъ и кончая тентами для палатокъ, какія могутъ потребоваться элегантному мужчинѣ. Это было солидное дѣло, и я представляю себѣ возмущеніе стараго Винтера, когда сынъ отказался заниматься торговлей и заявилъ, что станетъ актеромъ. Мой пріятель пробылъ двадцать лѣтъ на сценѣ: порою выступалъ онъ и въ Нью-Іоркѣ, но по большей части ѣздилъ по провинціи, ибо таланты его оказались очень скромными. Въ концѣ концвъ, какъ разумный человѣкъ, онъ пришелъ къ заключенію, что, пожалуй, лучше продавать подвязки въ Гонолулу, чѣмъ выступать на третьихъ роляхъ въ Кливлендѣ, Огайо. Онъ бросилъ сцену и началъ заниматься торговлей. Вѣроятно, послѣ всѣхъ треволненій актерскаго существованія, ему было весьма пріятно имѣть отличный автомобиль и жить въ великолѣпномъ домѣ, недалеко отъ залива. Онъ былъ уменъ, и я убѣжденъ, что онъ прекрасно велъ свое дѣло. Но онъ не могъ окончательно отказаться отъ искусства, и, не имѣя возможности играть, сталъ заниматься живописью. Онщ повелъ меня въ свою мастерскую и показалъ мнѣ рядъ картинъ. Они были недурны, но не соотвѣтствовали тому, что я ожидалъ отъ Винтера. Онъ писалъ натюръ мортъ, и его полотна, очень маленькія (вѣроятно 25 сантиметровъ на 20) были нѣжны и тщательно отдѣланы. У него была явная страсть къ мелочамъ. Его плоды напоминали детали картинъ Гирляндайо. Можно было удивляться его терпѣнію, но нельзя было не отдать должнаго его искусству. Я думаю, что его неудача, какъ актера, зависѣла отъ того, что всѣ его тщательно изученные пріемы были недостаточно смѣлы и сильны для того, чтобы перешагнуть черезъ рампу.

Меня забавляло, что Винтеръ возилъ меня по городу съ видомъ хозяина, хотя и не безъ ироніи. Въ глубинѣ души онъ былъ убѣжденъ, что ни одинъ городъ Соединенныхъ Штатовъ не можетъ сравняться съ Гонолулу, но отлично сознавалъ, какимъ смѣшнымъ показалось бы такое утвержденіе. Онъ показывалъ мнѣ различныя городскія сооруженія, и былъ весьма польщенъ, когда я высказалъ свое восхищеніе ихъ архитектурой. Онъ показалъ мнѣ также дома богачей.

«Вотъ домъ Стэббса», — сказалъ онъ: «Онъ стоилъ сто тысячъ долларовъ. Стэббсы — одна изъ самыхъ уважаемыхъ семей. Старикъ Стэббсъ пріѣхалъ сюда въ качествѣ миссіонера слишкомъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ».

Онъ остановился и посмотрѣлъ на меня сквозь круглыя очки своими подмигивающими глазами.

«Всѣ наши лучшія семьи происходятъ отъ миссіонеровъ. Въ Гонолулу играютъ роль лишь тѣ, у кого дѣдъ обращалъ въ христіанство язычниковъ».

«Неужели?»

«Вы хорошо помните библію?»

«Отлично», отвѣтилъ я.

«Тамъ есть текстъ: отцы ѣли кислый виноградъ, а у дѣтей — оскомина. Но въ Гонолулу все обстоитъ иначе. Отцы принесли канакамъ христіанство, а дѣти захватили канакскую землю».

«На Бога надѣйся, а самъ не плошай», пробормоталъ я.

«Вотъ именно. За то время, что туземцы переходили въ христіанство, они все потеряли. Канакскіе вожди давали миссіонерамъ землю въ знакъ уваженія, а миссіонеры прикупали землю, обѣщая за нее несметныя богатства на небесахъ. Это было отличное вложеніе капитала. Одинъ изъ миссіонеровъ бросилъ свою профессію,—я думаю, ее можно такъ назвать, не нанося никому оскорбленія, — и сталъ даже агентомъ по скупкѣ и продажѣ земельныхъ участковъ. Но онъ былъ исключеніемъ. По большей части, наблюденіе за коммерческой стороной дѣла поручалось сыновьямъ. О, это замѣчательная вещь, если вы сынъ отца, прибывшаго сюда пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, для распространенія истинной вѣры».

И онъ посмотрѣлъ на свои часы:

«Да вѣдь они стоятъ! Это значитъ, что необходимо выпить коктейль».

Мы поѣхали по великолѣпной дорогѣ, окаймленной пышнымъ кустарникомъ, и возвратились въ городъ.

«Вы были уже въ Юніонъ барѣ?»

«Нѣтъ еще».

«Тогда мы поѣдемъ туда».

Я зналъ, что это самое знаменитое заведеніе въ Гонолулу, и вошелъ въ него съ любопытствомъ. Въ него ведетъ узкій проходъ съ Королевской улицы, и въ проходѣ этомъ расположены различныя бюро, такъ что неизвѣстно, идетъ ли человѣкъ по дѣламъ, или же онъ терзаемъ жаждой и отправляется въ баръ. Юніонъ-баръ — широкое четырехугольное помѣщеніе съ тремя входами. Противъ стойки, занимающей всю ширину комнаты, въ углахъ расположены небольшія загородки. Легенда утверждаетъ, что они были устроены для того, чтобы король Калакауа могъ пить не на глазахъ у своихъ подданныхъ. Пріятно было подумать, что, пожалуй, въ одномъ изъ этихъ уголковъ чернокожій властелинъ распивалъ бутылку вмѣстѣ съ Робертомъ

Луисомъ Стивенсономъ. Портретъ писателя виситъ на стѣнахъ бара въ роскошной золотой рамѣ: но тутъ же имѣется два изображенія королевы Викторіи. На стѣнахъ — гравюры 18 столѣтія и неизвѣстно какъ попавшія олеографіи изъ Рождественскаго номера «Графика» или «Иллюстрированныхъ Лондонскихъ Новостей» начала вѣка. А затѣмъ идутъ объявленія о виски, джинѣ, шампанскомъ и пивѣ, фотографіи футбольныхъ состязаній и туземныхъ оркестровъ.

Весь этотъ баръ, казалось, не имѣлъ никакого отношенія къ той лихорадочной жизни, которую я оставилъ на шумныхъ улицахъ города; онъ принадлежалъ къ какому то другому, умирающему міру. Онъ дышалъ вчерашнимъ, ушедшимъ. Неяркій свѣтъ и дымный воздухъ придавали ему нѣсколько таинственный видъ: онъ точно былъ приспособленъ для какихъ то темныхъ дѣлъ, и заставлялъ вспомнить о тѣхъ мрачныхъ временахъ, когда жизнь дикихъ, безжалостныхъ людей зависѣла отъ силы ихъ рукъ и смѣлости, и когда необыкновенныя приключенія прерывали монотонность существованія.

Баръ былъ почти полонъ. У стойки нѣсколько человѣкъ разговаривали о дѣлахъ. Въ углу сидѣло двое канаковъ. Два три человѣка, по виду торговцы, играли въ кости. Остальные посѣтители были совершенно явственно моряками: то были капитаны, ихъ помощники, судовые механики. За стойкой двое мулатовъ въ бѣлахъ курткахъ, здоровые полные молодцы, съ бритыми темнокожими лицами, большими веселыми глазами и густыми курчавыми волосами приготовляли коктейли, которыми славилось заведеніе.

Винтеръ, повидимому, зналъ присутствующихъ, и когда мы протѣснились къ стойкѣ, небольшой толстый человѣкъ въ очкахъ, стоявшій подаль, захотѣлось угостить его.

«Нѣтъ, капитанъ, сегодня я угощаю васъ». И онъ повернулся ко мнѣ: «позвольте познакомить васъ съ капитаномъ Батлеромъ».

Маленькій человѣкъ пожалъ мнѣ руку. Мы начали разговаривать, но я былъ слишкомъ занятъ всѣмъ окружающимъ, чтобы обратить особенное вниманіе на моего новаго собесѣдника. Выпивъ коктейль, мы разстались. Когда мы снова сѣли въ автомобиль, Винтеръ сказалъ:

«Я радъ, что мы встрѣтили Батлера. Я хотѣлъ, чтобы вы съ нимъ познакомились. Какъ онъ вамъ понравился?»

«Признаюсь, я совсѣмъ не обратилъ на него вниманія».

«Вы вѣрите въ сверхъестественныя явленія?»

«Я думаю, что нѣтъ», отвѣтилъ я съ улыбкой.

«Годъ или два тому назадъ, съ капитаномъ приключилась очень странная исторія. Вы должны были бы заставить его разсказать вамъ о ней.

«А что за исторія?»

Винтеръ не отвѣтилъ на мой вопросъ.

«Я лично не могу объяснить ее, — сказалъ онъ»: — «но факты несомнѣнны. Васъ интересуютъ такія вещи?».

«Какія именно?»

«Колдовство и магія и всякія такія штуки?»

«Я еще не встрѣчалъ человѣка, котораго бы это не занимало!»

Винтеръ замолчалъ на мгновеніе.

«Я не буду вамъ разсказывать это происшествіе. Я думаю, что вы услышите все изъ его собственныхъ устъ. Тогда вы получите возможность судить сами. Что вы дѣлаете сегодня вечеромъ?

«Ровно ничего!»

«Ладно, я постараюсь увидѣться съ капитаномъ до вечера и устроить такъ, чтобы мы могли отправиться къ нему на судно».

И Винтеръ разсказалъ мнѣ о капитанѣ Батлерѣ. Батлеръ провелъ всю свою жизнь на Тихомъ океанѣ. Прежде онъ занималъ лучшее положеніе, онъ былъ старшимъ офицеромъ, а потомъ капитаномъ большого пассажирскаго парохода, совершавшаго рейсы у береговъ Калифорніи, но съ пароходомъ случилось несчастье, онъ затонулъ, и множество пассажировъ погибло.

«Все изъ за вина, я полагаю», сказалъ Винтеръ.

Конечно, было разслѣдованіе, капитана лишили его званія, и тогда судьба закрутила его. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ блуждалъ по Южнымъ морямъ, а сейчасъ командовалъ маленькой шхуной, которая ходила между Гонолулу и различными Гавайскими островами. Хозяиномъ шхуны былъ китаецъ; то обстоятельство, что его служащій былъ лишенъ капитанскаго званія означало для него лишь возможность платить ему маленькое жалованіе, а имѣть бѣлаго на суднѣ представлялось ему значительнымъ преимуществомъ.

Узнавъ всѣ эти подробности о капитанѣ Батлерѣ, я постарался отчетливѣе представить себѣ его внѣшность. Я вспомнилъ круглыя стекла его очковъ, за которыми были круглые голубые глаза, и постепенно я возстановилъ передъ собою его образъ. Это былъ маленькій человѣкъ, плотный, съ круглымъ, точно луна, лицомъ и небольшимъ толстымъ носомъ. У него были свѣтлые, коротко остриженные волосы, его бритое лицо было красно. У него были пухлыя руки съ ямочками и короткія толстыя ноги. Онъ казался добрымъ малымъ, и трагическія приключенія, которыя онъ пережилъ, не оставили на немъ никакихъ слѣдовъ. Хотя ему было около 35 лѣтъ, онъ выглядѣлъ гораздо моложе. Впрочемъ, я обратилъ на него слишкомъ мало вниманія, и теперь, узнавъ о катастрофѣ, несомнѣнно разрушившей всю его жизнь, рѣшилъ при слѣдующемъ свиданіи хорошенько разсмотрѣть этого человѣка. Любопытно наблюдать, до чего различны эмоціональныя реакціи въ разныхъ людяхъ. Одни могутъ пройти черезъ страшныя битвы, черезъ страхъ неминуемой смерти и невообразимые ужасы и сохранить полную душевную невозмутимость. А у другихъ дрожаніе луннаго свѣта на пустынныхъ морскихъ волнахъ, или пѣніе птицы въ густой чащѣ, могутъ вызвать волненіе, способное перевернуть все ихъ существо. Чѣмъ это объясняется, силой или слабостью, воображеніемъ или неровнымъ характеромъ? Не знаю. Но когда я представилъ себѣ сцену гибели парохода, крики тонущихъ, ужасъ паники, затѣмъ пытку разслѣдованія и суда, горькіе упреки тѣхъ, кто оплакивалъ своихъ близкихъ, жестокія обвиненія, которыя капитанъ долженъ былъ читать о самомъ себѣ въ газетахъ, весь этотъ позоръ и несчастье, которые ему пришлось пережить, — когда я представилъ себѣ все это, я вдругъ вспомнилъ, что капитанъ Батлеръ, съ грубымъ цинизмомъ юнца, говорилъ о гавайскихъ дѣвушкахъ, объ Эвелеи. кварталѣ красныхъ фонарей, и о тѣхъ побѣдахъ, которыя онъ тамъ одерживалъ. Онъ часто смѣялся — а вѣдь можно было подумать, что онъ никогда больше не улыбнется. Я вспомнилъ его бѣлые блестящіе зубы: это было самое лучшее въ его лицѣ. Я вдругъ заинтересовался имъ, и думая о немъ и объ его веселой безмятежности, совсѣмъ позабылъ о томъ разсказѣ, который мнѣ предстояло выслушать при нашемъ свиданіи. Мнѣ хотѣлось снова встрѣтиться съ нимъ для того, чтобы понять, что это за человѣкъ.

Винтеръ принялъ всѣ необходимыя мѣры, и послѣ ужина мы отправились въ портъ. Насъ ожидала шлюпка со шхуны, и мы тотчасъ же отчалили. Шхуна стояла на якоряхъ въ гавани, возлѣ волнорѣза. Мы обогнули судно, и я услыхалъ звуки «юкалале» (гавайскій инструментъ). Шлюпка пристала, и мы взобрались на бортъ по лѣстницѣ.

«Онъ, вѣроятно, въ каютѣ», сказалъ Винтеръ, указывая путь.

Каюта была небольшой грязной и затрепанной комнатой; широкій диванъ у стѣнъ служилъ, очевидно, постелью для тѣхъ непредусмотрительныхъ пассажировъ, которые рискнули путешествовать на этомъ суднѣ. Керосиновая лампа освѣщала комнату тусклымъ свѣтомъ. Молодая туземка играла на юкалале, а капитанъ Батлеръ, полулежалъ въ креслѣ, склонивъ голову на плечо дѣвушки и обнимая ее одной рукой.

«Пожалуйста, капитанъ, не прерывайте изъ за насъ вашихъ занятій», шутливо сказалъ Винтеръ.

«Входите, входите», — сказалъ капитанъ, вставая и пожимая намъ руки: «скажите, чего бы вы хотѣли выпить?»

Ночь была теплая, и сквозь открытую дверь видно было еще голубое небо съ безчисленными звѣздами. Капитанъ Батлеръ былъ въ фуфайкѣ безъ рукавовъ, открывавшей его толстыя бѣлыя плечи, и въ невѣроятно грязныхъ штанахъ. Онъ былъ босъ, но почему то въ старой, потерявшей всякую форму фетровой шляпѣ.

«Я васъ познакомлю съ моей подружкой: неправда ли она, какъ персикъ?»

Мы познакомились съ очень красивой особой. Она была гораздо выше капитана, и даже то одѣяніе, которое называется «мать Габбардъ» и которое миссіонеры прошлаго столѣтія въ цѣляхъ приличія заставили носить сопротивлявшихся туземцевъ, не могло скрыть красоты ея тѣла. Можно было предвидѣть, что съ годами она сдѣлается нѣсколько полной, но сейчасъ она была граціозна и стройна. Ее коричневая кожа отливала чудеснымъ блескомъ, и у нея были великолѣпные глаза. Черныя густыя косы тяжелымъ кольцомъ обвивали ея голову. Привѣтствуя насъ, она улыбнулась, съ какой то очаровательной естественностью показывая маленькіе ровные и очень бѣлые зубы. Она, дѣйствитлньо, была очень хороша. Было совершенно ясно, что капитанъ безумно въ нее влюбленъ. Онъ не отрывалъ отъ нея глазъ, ему хотѣлось все время прикасаться къ ней. Въ этомъ не было ничего удивительнаго, но мнѣ показалось весьма страннымъ, что и дѣвушка очевидно была влюблена въ него. Нельзя было ошибиться въ чувствѣ, которое выдавалъ блескъ ея глазъ, ея уста были полураскрыты, точно замирая отъ желанія. Все это было очень забавно, и даже немного трогательно. Я почувствовалъ себя нѣсколько не по себѣ: для чего было намъ нарушать уединеніе влюбленныхъ? Я пожалѣлъ, что Винтеръ привезъ меня на шкуну. Вся эта грязная каюта вдругъ преобразилась въ моихъ глазахъ и стала достойнымъ фономъ для этой необыкновенной страсти. Я подумалъ, что никогда не забуду этой шкуны, стоящей въ гавани Гонолулу, между сотенъ другихъ судовъ, но отдѣленной отъ всего міра, подъ этимъ звѣзднымъ небомъ. И мнѣ было пріятно мечтать о томъ, какъ двое любящихъ отплываютъ ночью въ необозримыя пространства Океана, и какъ они кочуютъ отъ одного зеленаго острова къ другому. Легкій вѣтерокъ романтики обвѣялъ мои щеки.

И все таки Батлеръ былъ самымъ неподходящимъ въ мірѣ героемъ для романа, и трудно было понять, чѣмъ могъ онъ возбудить любовь въ женщинѣ. Онъ выглядѣлъ еще болѣе толстымъ, чѣмъ обычно, въ своей нелѣпой одеждѣ, а круглые очки придавали ему видъ настоящаго ангела. Всего больше онъ напоминалъ распутнаго священника. Его рѣчь была пересыпана типичными американскими выраженіями, и я никогда не былъ въ силахъ ихъ воспроизвести: вотъ почему я вынужденъ былъ впослѣдствіи передать то, что мнѣ разсказалъ, своими словами, хотя повѣствованіе мое потеряетъ отъ этого въ живости. Кромѣ того, онъ слова не могъ выговорить, безъ ругательства, хотя и очень безобиднаго, и его рѣчь, которая впрочемъ, показалась бы неприличной для ханжескаго слуха, въ печати производила бы впечатлѣніе грубой.

Онъ былъ добродушнымъ малымъ, и это пожалуй не мало способствовало его любовнымъ успѣхамъ: вѣдь большинство женщинъ легкомысленныя созданія, онѣ испытываютъ глубокую скуку, если мужчина обращается съ ними серьезно, и онѣ рѣдко могутъ устоять передъ шутомъ, который вызываетъ у нихъ смѣхъ. У нихъ довольно примитивное чувство юмора. Діана Эфесская всегда готова отбросить въ сторону свое благоразуміе, ради красноносаго комедіанта, сидящаго на собственной шляпѣ. Я понялъ, что у капитана Батлера было нѣкоторое очарованіе. Если бы я не былъ освѣдомленъ о трагической катастрофѣ съ его пароходомъ, я почумалъ бы, что у него никогда въ жизни не было никакихъ заботъ.

Нашъ хозяинъ позвонилъ, и китаецъ-поваръ принесъ стаканы и нѣсколько бутылокъ содовой воды. Виски и пустой допитый стаканъ капитана уже сторли на столѣ. Я изумился, увидавъ китайца: это былъ, несомнѣнно, самый безобразный человѣкъ, какого мнѣ приходилось видѣть. Толстый, коротконогій, онъ сильно хромалъ. На немъ была фуфайка и брюки, которые нѣкогда были бѣлыми, а теперь стали грязными, и старая клѣтчатая каскетка, покрывавшая его взлохмаченные, сѣрые волосы. Эта каскетка была бы смѣшна на головѣ всякаго китайца, но на этомъ типѣ она была просто оскорбительна. Его широкое, четырехугольное лицо было такъ плоско, точно его раздавилъ ударъ мощнаго кулака, и покрыто оспинами. Но самое противное въ немъ была его заячья губа, которая очевидно никогда не была оперирована: верхняя губа была разсѣчена и образовывала уголъ съ носомъ, а въ отверстіи рта виденъ былъ огромный желтый клыкъ. Это было отвратительно. Онъ вошелъ съ папиросой въ углу рта, и это почему то придало дьявольское выраженіе его лицу.

Онъ налилъ всѣмъ виски и откупорилъ бутылку съ содовой водой.

«Не наливай черезчуръ много, Джонъ», сказалъ капитанъ.

Китаецъ ничего не отвѣтилъ. Онъ протянулъ каждому изъ насъ стаканъ и вышелъ.

«Вы, кажется, внимательно смотрѣли на моего китаеза», сказалъ капитанъ Батлеръ съ усмѣшкой на полномъ блестящемъ лицѣ.

«Я не хотѣлъ бы встрѣтить его темной ночью», отвѣтилъ я.

«Конечно, онъ грубъ», — сказалъ капитанъ съ какимъ то особымъ удовлетвореніемъ, «но онъ для одного хорошъ: всякій разъ, какъ на него посмотришь, хочется опрокинуть стаканчикъ».

(окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Театръ Кино

Замѣтки о театрѣ

ТЕАТРАЛЬНАЯ КРИТИКА

Имѣя въ своей средѣ много тонкихъ и чуткихъ цѣнителей искусства, современная театральная критика тѣмъ не менѣе утратила истинную связь съ театромъ.

Современный критикъ не имѣетъ возможности участвовать въ *жизни* театра. Онъ не можетъ день за днемъ слѣдить за возникновеніемъ спектакля. Двери театра закрыты для него до премьеры. Онъ не знаетъ, *какъ* возникъ спектакль, какія цѣли ставили себѣ режиссеръ и актеры. Современный критикъ принужденъ чаще всего ограничиваться своимъ *субъективнымъ* сужденіемъ по поводу спектакля. Онъ не въ состояніи указать актеру его ошибки или его достиженія по *отношенію къ намѣченнымъ цѣлямъ и задачамъ*. Онъ не можетъ направить актера по тѣмъ путямъ, которые актеръ самъ намѣтилъ себѣ въ началѣ работы.

Театръ долженъ открыть двери для критика *до* премьеры. Театръ долженъ втянуть критика въ идейный процессъ своей работы и темъ самымъ дать ему руководящую нить для будущей оцѣнки *даннаго* спектакля. Въ такомъ случаѣ критикъ сумѣетъ и публикѣ сказать вѣское слово о спектаклѣ, при зарожденіи котораго онъ присутствовалъ. Сидя въ зрительномъ залѣ, онъ сумѣетъ также и актерамъ передать мнѣнія и пожеланія публики по отношенію къ спектаклю. Болѣе того, зная детально работу театра надъ данной пьесой, критикъ можетъ повторными рецензіями время отъ времени направлять спектакль къ его истинной цѣли.

Только при условіи таковаго детальнаго знанія всей работы театра надъ каждой данной пьесой можетъ критикъ указать конкретные пути, которые привели бы театральное искусство къ занятію достойнаго и значительнаго мѣста во всей современной культурѣ. Ибо театральное искусство находится сейчасъ въ величайшей опасности именно потому, что оно оторвалось отъ подлинно-культурной жизни и, становясь все больше и больше какъ бы «спеціальной областью», не играетъ въ нашей жизни никакой роли или (что теперь можно видѣть все чаще и чаще) — играетъ роль отрицательную и разрушительную.

ИНТЕРПРЕТАЦІЯ КЛАССИКОВЪ И НОВЫЙ СПЕКТАКЛЬ Н. Ф. БАЛІЕВА

(Театръ Мадлэнъ въ Парижѣ)

Постараемся въ первой же нашей рецензіи отказаться отъ обычной манеры хвалить или порицать, — тѣмъ болѣе, что широкая извѣстность и прочно-установившаяся художественная репутація спектаклей Н. Ф. Баліева — легко позволяютъ сдѣлать это.

Постараемся отвѣтить на два важныхъ и насущныхъ вопроса: что новаго несетъ этотъ спектакль и нужно ли это новое современному театральному искусству и современному зрителю?

Новая нота спектакля Н. Ф. Баліева — въ его подходѣ къ классической темѣ, къ интерпретаціи этой темы. Не будемъ оцѣнивать достоинствъ и недостатковъ его интерпретаціи «Пиковой Дамы» — хотя бы по одному тому, что это, въ извѣстномъ смыслѣ, первая проба, первый этапъ, на смѣну которому могутъ и должны придти все болѣе и болѣе совершенные попытки продвинуть сценическое искусство въ новомъ направленіи.

Новая сценическая интерпретація классиковъ не есть только сценическій трюкъ и изломъ. Это — принципъ серьезный и глубокій, нужный, какъ современному сценическому искусству, такъ и современному зрителю.

Геніальность и мощь классическихъ произведеній состоитъ въ томъ, что они не только не старѣютъ, но, наоборотъ, какъ бы крѣпнутъ въ сознаніи каждой послѣдующей эпохи, излучая все новые и новые художественные и моральные импульсы.

Великой и почетной задачей будущаго театра явится умѣніе показать классическія произведенія въ той новой и острой формѣ, которой требуетъ новое состояніе сознанія современнаго зрителя. И когда подобныя попытки дѣлаются режиссерами самыхъ различныхъ театральныхъ направленій и миросозерцаній — тогда важно, конечно, не то, у кого изъ нихъ это удалось лучше. Весь центръ тяжести — въ томъ, что данный принципъ могущественно заявляетъ о своемъ желаніи войти въ жизнь театра и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нашу культуру. Этотъ принципъ явится однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, могущихъ побѣдить равнодушіе и разочарованіе публики по отношенію къ театральному искусству. Онъ поможетъ вернуть театру глубину и значительность.

Однако, выполняя большую культурную задачу новой интерпретаціи классическихъ произведеній — театръ не долженъ потерять своей «театральности»: онъ долженъ соединить значительность классическихъ темъ съ максимальной дѣйственностью и красочностью, съ остротой образовъ и стремительностью темпа.

Работа самаго актера, работа режиссера съ актеромъ выдвигается при этомъ на первый планъ. Начиная съ детальной разработки всей внѣшней композиціи (мизансценъ) и кончая самымъ чуткимъ контролемъ тѣхъ флюидъ, которыя актеръ долженъ умѣть посылать черезъ рампу въ сердца зрителей — все это должно явиться предметомъ заботы какъ самаго актера, такъ, въ особенности, и режиссера. Режиссеръ, рѣшившійся на новую интерпретацію классическихъ темъ, долженъ стать *педагогомъ* актера.

Ото всей души хочется пожелать театру Н. Ф. Баліева обратить вниманіе именно на эту педагогическую работу съ актерами, ибо это есть самое первое и самое необходимое условіе для каждаго театра, вступающаго на путь новаго истолкованія классиковъ на сценѣ.

Все предыдущее относится къ инсценировкѣ «Пиковой Дамы» — Пушкина (текстъ Ф. Нозьера, декораціи Ю. Анненкова, музыка А. Архангельскаго). — «Пиковая Дама» заполняетъ первую часть вечера. Заканчивается вечеръ отдѣльными миніатюрами обычнаго стиля «Летучей Мыши». Появленія самаго Н. Ф. Баліева между номерами программы доставляетъ публикѣ, какъ всегда, наибольшую радость.

Мих. Чеховъ.

ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ НОМЕРѢ
«НОВОЙ ГАЗЕТЫ»
БУДУТЪ НАПЕЧАТАНЫ
НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА
И. С. ТУРГЕНЕВА

Три картины

Нельзя сказать, чтобы говорящій фильмъ далъ въ 1930 году то, чего мы ожидали: въ большинствѣ случаевъ онъ превратился въ зафиксированный фотографіей театръ, а такое рѣшеніе вопроса едва ли можно считать блестящимъ разрѣшеніемъ кинематографической проблеммы. За счетъ словесныхъ потоковъ, которыми неожиданно наградилъ насъ заговорившій «Великій Нѣмой» кинематографъ теряетъ свои специфическія качества — самоцѣнность мимическихъ средствъ, необычайную быстроту дѣйствія и свободу сценическаго передвиженія въ пространствѣ и времени.

Во всякомъ случаѣ, успѣхи говорящаго фильма очень велики, онѣ развиваются, и изъ его недавнихъ достиженій нужно указать на три картины: американскую **«На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ»** (постановка молодого русскаго режиссера Мильштейна), нѣмецкій **«Синій Ангелъ»** и французскую постановку Рене Клэра **«Подъ парижскими крышами»**.

Въ первой прежде всего нужно отмѣтить чисто американскій размахъ въ средствахъ, грандіозность постановки и умѣлое использованіе звуковыхъ эффектовъ. Художественный реализмъ постановки доведенъ до очень большой высоты. Центральное мѣсто въ фильмѣ занимаютъ германскіе солдаты, французы — играютъ вспомогательную роль, — поэтому нѣмцы страдаютъ, негодуютъ на войну, стонутъ, а французы проносятся безплотными тѣнями и исчезаютъ. Такое положеніе вещей даже дало поводъ нѣмецкимъ патріотамъ обвинять фильмъ въ злостной тенденціозности: почему нѣмцы ведутъ себя, какъ нервныя женщины, а французы умираютъ молча, какъ и полагается солдатамъ? Ясно, что тенденція здѣсь не имѣетъ мѣста, просто режиссеръ подчинялся элементарнымъ законамъ сценическаго искусства, требующаго усиленія главной роли за счетъ второстепенныхъ.

Прекрасно въ этомъ фильмѣ поставлены батальныя сцены. Одна изъ самыхъ удачныхъ — сцена постановки проволочныхъ загражденій. Въ ней замѣчательно передаетъ жуть междуокопнаго пространства узенькая полоска французскихъ окоповъ, надъ которыми вспыхиваютъ огоньки выстрѣловъ. Фильмъ въ высшей степени динамиченъ, и умѣло управляемое движеніе скрываетъ недочеты постановки. Если разсматривать отдѣльныя фотографіи, пожалуй, можно было бы замѣтить, что нѣмецкіе солдаты не такъ носятъ каски, не такъ маршируютъ, но какъ только пущена лента, детали исчезаютъ, и вы ничего не видите, кромѣ искаженныхъ лицъ нѣмецкихъ солдатъ. Крайній реализмъ. Никакой романтики. Въ этомъ отношеніи режиссеръ слѣпо придерживался романа, авторъ котораго не хотѣлъ опоэтизировать современную войну.

Своеобразная романтика есть въ картинѣ Ренэ Клэра **«Подъ парижскими крышами»**. Съ того моменета, какъ на экранѣ плывутъ дымящіяся трубы, знаменитыя парижскія трубы, съ флюгерами и покрышками отъ дождя, вы понимаете, что фильмъ ставилъ поэтъ. Онъ сумѣлъ найти поэзію въ своихъ уличныхъ герояхъ, среди воровъ и мидинетокъ, среди уличныхъ пѣвцовъ и слѣпыхъ гармонистовъ. Черныя очки закрываютъ глаза, выжженныя гдѣ нибудь подъ Верденомъ, голова прижимается къ гармоникѣ, пальцы проворно бѣгаютъ по клавишамъ, и сладенькая сентиментальная пѣсенка завораживаетъ бѣдныхъ и темныхъ людей. Прохожіе останавливаются на минутку, потомъ забываютъ о своихъ маленькихъ житейскихъ дѣлахъ и покупаютъ за франкъ минутное утѣшеніе.

Р. Клэръ удачно передалъ романтику маленькихъ «бистро», танцулекъ и мансардъ. Три бильярдныхъ шарика — два бѣлыхъ и одинъ красный — на двѣри бистро, выставка зеленщика, тусклые газовые фонари, канарейки въ комнатахъ у консьержекъ, бѣлье, развѣшенное въ окошкахъ, суконные ботинки ловеласа изъ предмѣстій, все это — настоящій Парижъ, и вы сами виноваты, если не потрудились замѣтить этого раньше, проходя по бѣдной и узкой улицѣ гдѣ нибудь возлѣ площади Итали.

Къ этому нужно прибавить, что благодаря особенностямъ «арго», его немногословности и выразительности, а также и умѣнью и вкусу режиссера, въ данномъ случаѣ говорящій фильмъ одержалъ крупную побѣду.

Третьимъ фильмомъ, который обратилъ на себя вниманіе, является **«Синій Ангелъ»**. И въ этомъ фильмѣ имѣются (или, вѣрнѣе, созданы) благопріятныя для говорящаго фильма условія. Неразговорчивыя служанки, суровый профессоръ, шансонетки, которыя больше поютъ, чѣмъ разговариваютъ, такія условія позволяютъ не замедлять дѣйствія и не отягощать его многословными діалогами.

Въ этой картинѣ впервые обратила на себя вниманіе Марлэнъ Дитрихъ, молодая нѣмецкая артистка. Она — Лола изъ маленькаго театрика «Синій Ангелъ». Афиши съ ея изображеніемъ расклеены по стѣнамъ чопорныхъ домиковъ, ей завидуютъ и подражаютъ служанки и продавщицы, въ нее влюбляются гимназисты и хранятъ ея фотографіи въ «Метаморфозахъ» Овидія или въ учебникѣ геометріи. Въ классѣ могильная тишина. Какъ стальные тараканы, скрипятъ перья. За окнами слышны женскіе голоса. Тамъ поютъ, можетъ быть, молодыя прачки. Подъ партами появляются фотографіи Лолы. Если подуть на перышки, изъ которыхъ сдѣлана балетная юбочка Лолы, то оживаютъ прелестныя стройныя ноги.

Эти ноги, эти хрипловатыя пѣсенки погубили профессора Ратта. Подъ эту самую пѣсенку, подъ которую рухнула его жизнь, онъ и умираетъ (чуть ли не единственная плохая сцена).

Вотъ три фильма, три серьезныхъ шага къ тому синтезу говорящаго и нѣмого кинематографовъ, отъ котораго мы можемъ ждать много всякихъ пріятныхъ неожиданностей. Теперь въ огромныхъ черныхъ залахъ Америки гремятъ аплодисменты передъ экраномъ «Огней города». Но, можетъ быть, это уже послѣдняя побѣда Великаго Нѣмого. Онъ уже заговорилъ, онъ не хочетъ молчать и имѣетъ на это право. Побѣда еще не полная, но бѣдному Шарло уже трудно бороться за благородную нѣмоту кинематографа.

А. Л—скій.

Кино-Хроника

СОВ. РОССІЯ

— Въ Петербургѣ открытъ **кино-университетъ**. Назначеніе его быть высшимъ органомъ кинофикаціи преподаванія.

— На всей территоріи СССР насчитывается въ настоящее время около **12.000** постоянныхъ и подвижныхъ **экрановъ** (въ 1915 г. было всего 2.000 экр.). Большая часть экрановъ обслуживаетъ рабочіе клубы, деревню, школу и армію.

— На съѣздѣ техниковъ звукового кино въ Москвѣ вынесено рѣшеніе о выпускѣ въ 1931 г. **пятидесяти полнометражныхъ звуковыхъ фильмовъ**. Особо слѣдуетъ отмѣтить, что вся аппаратура по воспроизведенію звука изготовлена въ Россіи.

Научная работа по усовершенствованію аппаратовъ, воспроизводящихъ звукъ, ведется подъ руководствомъ профессоровъ Романова, Тагера и Шорина.

— Шнейдеръ, заснявшій фильмъ **«Памиръ»** заканчиваетъ съемки въ Іеменѣ.

— Законченъ режиссеромъ Эккомъ звучащій фильмъ **«Дорога Жизни»**, посвященный жизни завода.

— Режиссеръ Пудовкинъ вернулся изъ Германіи въ Россію.

РУССКІЕ РЕЖИССЕРЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ

— Въ Парижѣ **Н. Н. Евреиновъ** и Николай Римскій крутятъ оперетку «Только не въ губы».

— **В. К. Туржанскій** продолжаетъ крутить «Орленка» въ Ниццѣ.

ЕВРОПА И АМЕРИКА

— Какихъ размѣровъ достигла **кино-продукція С. Америки**, можно судить по тому, что по составленной на 1931 г. смѣтѣ крупнѣйшими кино-обществами предполагается затратить на выпускъ новыхъ фильмовъ 1.300.000.000 франковъ.

— На ряду съ лихорадочной работой американцевъ по осуществленію рельефности на экранѣ продолжаются упорныя попытки усовершенствовать **цвѣтную кинематографію.** Предполагается рядъ постановокъ въ краскахъ. Съ этой цѣлью выѣзжаетъ въ Берлинъ председатель Фоксъ-Фильма — Гарлей Клеркъ.

— Пабстъ собирается крутить въ пограничной полосѣ Рура и Сѣв. Франціи фильмъ, посвященный недавно бывшей здѣсь **катастрофѣ въ шахтѣ.** Онъ задумалъ передать въ новомъ фильмѣ то сочувствіе къ пострадавшимъ шахтерамъ, которое охватило ихъ товарищей по ту сторону границы и выразилось въ томъ, что не взирая на препятствія (пограничная стража) тысячи нѣмецкихъ рабочихъ бросились спасать засыпанныхъ французовъ.

— Чарли Чаплинъ, какъ извѣстно, отрицающій говорящій фильмъ — призналъ звучащій. Въ его **«Огняхъ Города»** мы услышимъ пять пѣсенекъ и музыкальное сопровожденіе, написанное самимъ Чаплинымъ.

— Интересъ къ фильмамъ, посвященнымъ Великой войнѣ, не исчерпался. Во Франціи Раймонъ Бернаръ будетъ крутить **«Деревянные Кресты»** по извѣстному произведенію Доржелеса.

— Сколь неожиданны бываютъ дѣйствія **кинематографической цензуры** можно судить по слѣдующимъ очереднымъ ее проявленіямъ. Въ Шанхаѣ запрещены фильмы «Царь Царей» и «Ноевъ ковчегъ», въ Ротердамѣ «Человѣкъ до своего рожденія», въ Сѣв. Голландіи «На зап. фронѣ безъ перемѣнъ», а въ Германіи полиція потребовала перемѣны названія фильма «Убійца разыскивается» на... «Въ поискахъ преступника». Въ Турціи запрещенъ Пабстовскій фильмъ «Четыре пѣхотинца».

ДОЧЬ РАСПУТИНА ОБЪ ОТЦѢ

(Окончаніе, см. стр. 8).

«Онъ всегда облегчалъ, чеемъ могъ, участь обездоленныхъ, всегда былъ радъ оказать услугу кому могъ, и среди обласканныхъ имъ было много неблагодарныхъ».

Этотъ замѣчательный отецъ передъ сномъ никогда не забывалъ перекрестить своихъ дочерей. Какая идиллія!

Кто посмѣлъ назвать его эротоманомъ, хлыстовскимъ сатиромъ, главой мистико-эротической секты? Враги, завистники и особенно Іліодоръ, этотъ развратный монахъ, который пытался однажды изнасиловать почтенную генеральшу Лухтину, а теперь доживаетъ свой вѣкъ швейцаромъ въ Нью-Іоркѣ.

Конечно, Распутинъ имѣлъ любовницъ. А почему же нѣтъ? Марія Григорьевна находитъ это вполнѣ естественнымъ: «окруженный столькими женщинами, онъ, человѣкъ инстинкта, полный здоровой мужской силы, могъ, конечно, поддаться многимъ соблазнамъ».

Марія Распутина подходитъ къ этой деликатной темѣ очень прямо и съ большой гордостью говоритъ о... мужской здоровой силѣ своего знаменитаго отца.

Что касается политической роли Распутина, то ея значеніе, оказывается сильно преувеличено, въ особенности его вліяніе на царицу.

«Я увѣрена», пишетъ М. Г., «что никогда такая умная и проницательная женщина, какой была Александра Федоровна, не позволила бы собой управлять».

И вообще «это политическое вліяніе всегда употреблялось только для матеріальнаго и моральнаго блага Россіи». Убійство этого исключительнаго совѣтчика русскаго государя является прямо преступленіемъ противъ родины.

Первые безпорядки въ Петербургѣ начались черезъ два мѣсяца послѣ смерти Распутина, «добраго генія Романовыхъ, увы, больше не было, чтобъ спасти положеніе».

«Мой отецъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который предвидѣлъ катастрофу» — восклицаетъ М. Г. «Когда онъ однажды сказалъ императрицѣ, что его судьба связана съ судьбой царской семьи, это не были пустые слова».

Далѣе М. Г. разсказываетъ собственные приключенія во время революціи, бѣгство черезъ Сибирь, прибытіе въ Европу. Эта глава носитъ живописное названіе «отъ Владивостока до Монмартра».

Книга заканчивается чисто парижской сценой. М. Распутина пробуетъ устроиться какъ танцовщица и посѣщаетъ одного импрессаріо, мосье Жоржа.

«Его прищуренные глаза вопрошали мою картъ д-идантитэ — урожденая Распутина? Распутинъ, тотъ самый, изъ Петербурга. любовникъ царицы? Это правда, Вы Распутина?»

Мосье Жоржъ сказалъ ей, что «такая красивая женщина, съ такимъ «золотымъ» именемъ, можетъ заработать по крайней мѣрѣ 2.000 франковъ въ вечеръ».

Дочь Распутина послѣдовала совѣту мосье Жоржа. Она спасла отъ нищеты своихъ двухъ дѣвочекъ благодаря своему искусству, благодаря извѣстности своего отца.

Заканчиваетъ она свои воспоминанія слѣдующей сентиментальной нотой:

«Если я танцую теперь, это для того, чтобы Татьяна и Марія не страдали отъ холода и голода, а также и потому что наши старые русскіе танцы можно танцовать теперь только въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Бухарестѣ».

А. П.

«Есть въ литературѣ нашей до сихъ поръ нѣсколько установившихся идей и мнѣній, не имѣющихъ ни малѣйшей самостоятельности, но существующихъ въ видѣ несомнѣнныхъ истинъ, единственно потому, что когда то такъ опредѣлили литературные предводители. Критика пошлѣетъ и мельчаетъ. Въ иныхъ изданіяхъ совершенно обходятъ иныхъ писателей, боясь проговориться».

Ф. М. Достоевскій.

Парадоксы сегодняшняго дня суть предразсудки завтрашняго.

М. Прустъ.

„Короли" и „лорды" Чикаго

Дюфи, одинъ изъ королей пива и проституціи Чикаго, былъ очень «хитрымъ малымъ». Онъ хотѣлъ убить своего конкурента и врага Гортона, но не могъ нигдѣ его найти. Это его такъ огорчало, что, наконецъ, онъ заявилъ: «такъ какъ я не могу убить Гортона, то я убью его мать. Я увѣренъ, что онъ придетъ на ея похороны и тогда я его « пришью » (put on the spot).

Другой знаменитый убійца, Литль Гими, любилъ говаривать: «я вовсе не ненавижу моего брата, но все таки я не очень стремлюсь его видѣть. Въ послѣдній разъ, когда я съ нимъ встрѣтился, это было шесть лѣтъ тому назадъ, онъ стрѣлялъ въ меня изъ пистолета... а передъ этимъ мы не видѣлись съ нимъ пятнадцать лѣтъ». «Смитъ и Вессонъ дѣлаютъ людей равными».

Вотъ заповѣди отношенія къ ближнему, царящія въ мірѣ гангстеровъ Мичиганскаго озера, о которомъ разсказываетъ *Жое Лондонъ* въ своей книгѣ «Два мѣсяца среди бандитовъ Чикаго».

Благодаря примѣненію раціональныхъ методовъ, достойныхъ настоящихъ бюзинесмэновъ, и значительнымъ капиталамъ, находящимся въ ихъ распоряженіи, люди, по сравненію съ которыми парижскіе апаши кажутся благодушными романтическими персонажами, превратили бандитизмъ въ одну изъ самыхъ огромныхъ и цвѣтущихъ отраслей чикагской промышленности. Аль Капоне, Моранъ, Зюта и другіе короли и лорды бутлегеровъ, обладающіе теперь автомобилями, сказочными виллами и волшебными островами, начали свой жизненный путь въ качествѣ обыкновенныхъ и скромныхъ сутенеровъ, воровъ и громилъ. И только введеніе сухого режима, запрещеніе проституціи и азартныхъ игръ открыло для ихъ дѣятельности новый «золотой» вѣкъ. Вотъ недѣльный доходъ только одной изъ многихъ бандъ:

Продажа пива и спирта	3.510.000 дол.
Игорные дома	1.250.000 дол.
Дома разврата	1.000.000 дол.

Въ союзѣ съ частью полиціи, подъ защитой купленныхъ политическихъ и судебныхъ дѣятелей гангстеры, образуя зловѣщее государство въ государствѣ, превращаются въ какое то новое привилигированное сословіе. Профессоръ Андрюсъ Брюсъ говоритъ: «единственное прочное соціальное положеніе въ Чикаго — это положеніе бандита». Прочность этого положенія нарушается не тюрьмой и электрическимъ стуломъ, а только ананасами*) и пулеметами «стрѣлковъ» враждебныхъ бандъ.

Постепенно, рядомъ съ бутлегерствомъ начинаетъ развиваться новая форма бандитизма. При помощи террора, бомбъ, адскихъ машинъ и револьверовъ чикагскіе бандиты начинаютъ «контролировать» цѣлый рядъ промышленныхъ и торговыхъ корпорацій и профессіональные союзы занятыхъ въ этихъ предпріятіяхъ служащихъ. Сопротивленіе владѣльцевъ прачешныхъ заведеній было сломлено, послѣ того, какъ гангстеры остановили, облили бензиномъ и зажгли каміонъ, принадлежавшій одной большой фирмѣ. Служащій, развозившій бѣлье заказчикамъ, былъ брошенъ въ пылающій автомобиль и сожженъ живьемъ. Чтобы заставить зубныхъ врачей платить ежемѣсячную подать, другая шайка рѣшила организовать забастовку техническихъ работниковъ, изготовляющихъ протезы. Во всѣ мастерскія были направлены спеціальные люди, съ предписаніемъ ломать кости рукъ тѣмъ механикамъ, которые не согласятся примкнуть къ забастовкѣ.

Владѣлецъ одной красильной фирмы, весьма богатый и почтенный человѣкъ, Морисъ Беккеръ рѣшилъ бороться съ тѣми обязательными для всѣхъ «покровительствуемыхъ» фирмъ единообразными цѣнами и другими условіями веденія дѣла, которыя установилъ въ этой области промышленности «картель», созданный бандитами. Зная, что въ этой борьбѣ чикагская полиція, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, окажется безсильной охранить его самого и его предпріятіе отъ динамита и револьверовъ, Морисъ Беккеръ возымѣлъ геніальную идею обратиться къ болѣе могущественному защитнику. Въ государственномъ секретаріатѣ штата Иллинойсъ въ перечнѣ членовъ административнаго совѣта почетнаго предпріятія «The Sanitary Cleaning Shops Incorporated» появилось имя господина Альфонса Капона.

*) Такъ называютъ гангстеры излюбленныя ими маленькія бомбы.

Съ тѣхъ поръ Мориса Беккера больше никто не осмѣливался безпокоить.

Не многимъ успѣшнѣе, чѣмъ муниципальная полиція, борятся съ бандитами конкурирующія между собой частныя полицейскія общества. Самое знаменитое изъ нихъ — «Секретный комитетъ шестерыхъ». Рѣшительныя и кровавыя дѣйствія его таинственныхъ агентовъ, имени которыхъ никто не знаетъ, вызываютъ среди гангстеровъ безпокойство и ненависть.

Съ большимъ трудомъ *Жео Лондону* удалось добиться встрѣчи съ самыми великими дѣятелями «капитализированнаго преступленія».

«Я люблю дѣлать добро», — сказалъ французскому журналисту «царь бандитовъ» «изрѣзанная морда», *Аль Капоне.* И дѣйствительно многотысячное населеніе чикагскаго рабочаго предмѣстья Циперо обожаетъ Аль Капоне. Онъ не только оказываетъ жителямъ этого городка большія благодѣянія. Онъ любитъ дѣтей, цѣлуетъ ихъ, даритъ имъ игрушки, улыбается ихъ матерямъ и съ подкупающей сердечностью протягиваетъ каждому свою очень тонкую и бѣлую руку, обагренную кровью пятидесяти убійствъ. Онъ очень кокетливъ и недавно объявилъ по радіо, что «е» въ концѣ его имени нѣмое и поэтому нужно произноситъ не Капоне, а Капонъ.

Другая знаменитость — *О'Доннель,* являющійся, несмотря на свои 40 лѣтъ, старѣйшимъ гангстеромъ Чикаго. Двадцать разъ онъ спасался отъ вѣрной смерти и за это получилъ торжественное прозвище «безсмертнаго». Это прекрасный отецъ семейства и очень благочестивый человѣкъ — онъ исповѣдуется каждый мѣсяцъ и каждое воскресенье посѣщаетъ мессу. Онъ совершенно «сухой» и не беретъ въ ротъ вина. То, что онъ внесенъ въ опубликованный полиціей списокъ 28 враговъ общества, не мѣшаетъ ему въ то же время быть главнымъ поставщикомъ угля для чикагскаго муниципалитета.

Въ центрѣ города, въ дансингѣ большого отеля Жое Лондонъ встрѣтился съ прекрасной *Норой,* «одной изъ нашихъ молодыхъ дамъ», какъ галантно выражаются гангстеры. Она служила продавщицей въ магазинѣ когда, три года тому назадъ, въ нее безумно влюбился «стрѣлокъ» изъ банды Морона. Черезъ нѣкоторое время онъ попалъ въ засаду и былъ тяжело раненъ. Въ теченіе долгихъ дней Нора не отходила отъ изголовья его постели. Умирая, онъ прошепталъ имя своего убійцы. На допросѣ у судебнаго слѣдователя Нора отвѣтила: «я не знаю, кто убилъ». Шли мѣсяцы. Нора была печальной и молчаливой. Потомъ вдругъ она появилась въ одномъ увеселительномъ мѣстѣ. У нея былъ счастливый видъ. Съ нею танцовалъ человѣкъ, который, по ея просьбѣ, застрѣлилъ убійцу ея перваго любовника.

Описаніе встрѣчи съ негромъ, однимъ изъ стрѣлковъ Морана — самая трагическая глава книги. Во внѣшности этого «цвѣтного человѣка», платнаго убійцы, нѣтъ ничего замѣчательнаго. Онъ средняго роста, скорѣе тщедушенъ, съ незначительнымъ лицомъ, не выражающимъ ни жестокости, ни смѣлости. Онъ оживляется только тогда, когда заходитъ разговоръ объ оружіи. Какъ элегантная женщина, показывающая свои драгоцѣнности, онъ приглашаетъ полюбоваться своимъ длиннымъ и тяжелымъ автоматическимъ пистолетомъ. Дома у него есть красивый карабинъ. Онъ вскакиваетъ и показываетъ жестами, какъ онъ изъ него стрѣляетъ. На его лицѣ, вмѣсто прежней вялой и неопредѣленной улыбки, появляется выраженіе дѣтской гордости. *Гарри,* сторожъ тайнаго вертепа, устроившій эту встрѣчу, спрашиваетъ у него: «сколько вы возьмете, чтобы убить одного мѣшающаго мнѣ человѣка. Не просите у меня тысячи долларовъ, вы вѣдь знаете, что я не богатъ». Негръ киваетъ головой: «ну, что жъ, хорошо, я думаю, что за три сотни...».

Расѣ ганстеровъ не угрожаетъ опасность вырожденія. Кварталы, въ которыхъ ютится разноплеменная и многоязычная нищета, особенно часть города, расположенная за бойнями, являются настоящими инкубаторами будущихъ бандитовъ и проститутокъ. Многіе дѣти научаются владѣть револьверомъ и обрѣзомъ раньше знакомства съ букваремъ. Каждый годъ полиція *производитъ* среди малолѣтнихъ преступниковъ *60 тысячъ арестовъ.*

Чикаго, со сказочной быстротой выросшій новый Вавилонъ, грозящій затмитъ Нью-Іоркъ, гигантскій и великолѣпный городъ сотенъ мраморныхъ дворцовъ и тысячъ гніющихъ деревянныхъ лачугъ — не въ силахъ бороться съ этой все увеличивающейся арміей преступленія, организація котораго подобна гигантскому тресту.